

ПОМОРКА

Суровая северная природа, отсутствие плодородных земель, жизнь у моря определяли хозяйственные занятия жителей: рыболовство и охота на морских зверей. Но море – не только рыба и зверь. Одно из самых грандиозных его богатств – вода, раствор многих ценных веществ, и прежде всего – соли.

С незапамятных времен человек научился выпаривать поваренную соль из морской воды. Таким путем и поныне удовлетворяется часть всей потребности человечества в этом насущно необходимом продукте. Ежегодно мировая добыча морской соли составляет около семи миллионов тонн.

Добыча соли на Белом море началась очень давно. Древние солевары для получения соли располагали только силами природы. Солнечные солеварни располагались в мелководных бухтах, связанных с морем, и служили для выпаривания соли из воды под действием солнца. В то время, четыре-пять тысяч лет назад, климат на Белом море был значительно мягче современного, а море было более теплым. С наступлением похолодания уже не солнце, а мороз использовался человеком в естественных солеварнях – соль не выпаривалась, а вымораживалась. Вымораживание основано на том, что при замерзании морской воды на поверхности образуется пресный лед, а оставшаяся на дне вода делается еще более соленой. При неоднократном удалении льда можно получить «рассол» – воду с высокой концентрацией соли, пригодной для засолки рыбы и других продуктов моря. Такие «зимние солеварни» перешли в наследство поморам.

Из исторических документов известно, что уже в XII веке на Белом море была довольно широко развита добыча соли. В XIV–XV веках поморские волости были в числе немногих районов, где до-

Добыча соли на белом море началась давным-давно. Еще в XII веке здесь была довольно широко развита ее выварка цренным способом из морской воды.

Появившиеся монахи на Соловецких островах писали: „Мнози жители Поморья имеют обычай соль варити.“

Выварка соли из морской воды. Рисунки из книги Магнуса Стокгольма. 1909 г.

бывалась соль. С XVI века соль из поморских посадов неизменно фигурирует под названием «поморка» во многих таможенных грамотах. Потребность Русского государства в соли была так велика, что с приезжающих в двинскую землю торговых людей брали пошлину солью и белками.

Появившиеся монахи Соловецкого монастыря писали: «Мнози жители Поморья имеют обычай соль варити». Тогда, с появлением железа, соль уже не вымораживали, а выпаривали на железных сковородах в специальных варницах. Варница представляла из себя яму, в которой устраивалась печь, с домиком над ней. На печь помещали црены – большие железные сковороды – с морской водой. Печь постоянно топили, вода кипела, удаляясь паром, а соль оставалась на сковороде. Вываренную соль снимали со сковород и просушивали, а затем ссыпали в мешки или кули, готовя на продажу. Соль, полученная из морской воды, имела сероватый цвет и горьковатый вкус. На рынках России она получила название «поморка».

Вываркой соли обычно занимались зимой, с декабря по апрель – в наиболее удобное для жителей время. Тогда по всему побережью и на островах дымили варницы. Поскольку выварка производилась при помощи огня, солевары нуждались в большом коли-

честве дров – «кострищ», заготовку которых складчики распределяли между собой.

В XVI веке среди добывающих и обрабатывающих промыслов солеварение выдвинулось на первое место. Особенно развито оно было на Соловецких островах, в название которых вошло слово «соль». Центром солеварения была посадская часть Летнего берега: здесь действовало до 100 варниц. На Карельском берегу в середине XVI века было 44 «живых» варницы и 23 «впусте».

В Поморье производилось очень много соли. По сохранившейся статистике только из одной Керетской волости каждый год отправлялось на продажу более 100 тысяч пудов соли, а с Поморского и Онежского берегов ежегодно вывозилось до 500 тысяч пудов соли. Соль вываривали не только в Поморье, но и на Кольском полуострове. В Коле солеварни располагались около горы Солеварки и при впадении Варничного ручья в Кольский залив.

Тяжел, опасен и безрадостен был труд солеваров. Работали они среди огня и дыма в парах соли, постоянно поддерживая огонь в печи. Это была самая низкооплачиваемая работа, которую в основном выполняли беднейшие крестьяне, казаки и бобыли, чтобы как-то прокормиться. Мечта о лучшей жизни, о мельнице, которая бы сама молола соль, нашла отражение в карело-финском эпосе «Калевала».

Поморку потребляло население всего севера европейской части России, поступала она и в центральные области. Зимой по Поморскому тракту через Онегу на Каргополь тянулись многочисленные обозы с солью для продажи, а с юга в Поморье везли хлеб, обувь, одежду.

Соляной промысел сыграл большую роль в заселении Поморья и в развитии его экономики. Появившиеся монахи не замедлили воспользоваться таким доходным делом, как солеварение. Мелкое крестьянское хозяйство не в силах было конкурировать с крупным, которое организовал Соловецкий монастырь. Ведь для выварки соли надо было много дров и железных сковород, которые стоили дорого. Этим могли заниматься богатые или группа крестьян сообща. Бурная деятельность монахов привела к закрытию мелких крестьянских солеварен, другие монастырь скупал, а также получал в виде пожертвований «Зосиме и Савватию». В XVI веке монастырь продавал 6 тыс. пудов соли в год, в XVII веке до 130 тыс. пудов, через столетие до 400 тыс. пудов в год. Монастырские суда везли соль по Северной Двине и Сухоне в Вологду и далее в глубь России.

Во второй половине XVI века у поморки появился влиятельный конкурент. Соль начали вываривать на Вычегде, в Усольске, теперешнем Сольвычегодске. В 1515 году у озера Солониха появились соляные варницы молодого, никому тогда еще неизвестного промышленника Аники Строганова. В XVI–XVII веках в «Соли Вычегодской» уже добывалось до 500 тыс. пудов соли в год. На протяжении двухсот с лишним лет Сольвычегодск являлся одним из главнейших центров северной Руси. Он был вотчиной крупнейших промышленников и купцов Строгановых, владевших многими землями на Вычегде, Каме, Чусовой, на Урале и за Уралом.

С развитием солеварения в Камско-Вычегодском крае соль подешевела и выварка ее на Белом море стала менее выгодной, но продолжалась. Еще в XVIII веке во времена правления Екатерины II работали поморские варницы и велась торговля беломорской солью. Добыча соли на Белом море почти совсем прекратилась в XIX столетии, когда началась промышленная разработка соляных залежей на южных озерах России, но не исчезла. Крестьяне продолжали вываривать поморку для себя и частично на продажу.

В годы империалистической и гражданской войн доставка соли с юга прекратилась и жители Беломорья опять начали добывать ее из морской воды. На берегу и островах заработали варницы, напоминая о былом величии поморки. По свидетельству П.М. Базанова, в те годы многие унежомы занимались солеварением. Он с братом Иваном Михайловичем ездил в Цельнаволок, чтобы там варить соль. После окончания гражданской войны снабжение южной солью наладилось и выварка «поморки» прекратилась.

Но морская вода – не только соль. Вода морей и океанов, по подсчетам ученых, хранит в себе миллионы тонн золота, серебра, тория, молибдена, йода. На дне Белого моря, как и во многих других морях, накапливаются железо-марганцевые конкреции. По составу конкреции – это руда высокого качества: железо, марганец с примесью кобальта, медь, никель и другие ценные металлы. Получение соли из морской воды – это первый робкий шаг человека в освоении минеральных богатств морей. Нет никаких сомнений, что человечество научится добывать и другие разнообразные богатства моря.

В НЕМЦЫ... В КАРГОПОЛЬ И ДО МОСКВЫ

Появление русских людей в Беломорье ускорило его развитие. Началась интенсивная добыча рыбы, пушнины, морского зверя, выварка соли. Расширяя торговлю, новгородский рынок требовал все больше и больше товаров и поиски их заставляли осваивать новые земли, и прежде всего богатства Белого моря. Новгородская купеческая знать посылала на дальний Север своих холопов. Они основывали селения, крепости на морском берегу, в устьях рек и губах. К XVI веку в Беломорье наблюдается значительный рост производительных сил: увеличилась добыча соли, рыбы и морского зверя, пушнины, развивалась торговля. Торговля велась как по суше, так и по морю.

По берегу Белого моря был проложен почтово-торговый тракт от Холмогор через Онегу до Кеми, а затем и до Колы. Тракт связывал Поморье с центральными районами Руси и проходил сухопутьем по Онеге на Каргополь через Турчасово – одно из старейших поселений новгородцев, которое в то время вместе с Каргополем было посредником в соляной торговле. «В Турчасове, – писал Генрих Штаден, – первый раз взвешивают соль, которую вываривают из моря». В одной из грамот того времени говорится о турчасовцах и других жителях реки Онеги, которые «ездили к морю соли купити», а потом возили ее продавать в Каргополь. В другой грамоте XVI века рассказывается, что «торговые люди» привозят много соли в Каргополь, да в Каргополе продают ее белозерцам и вологжанам и иногородцам всех городов Московской земли, а белозерцы и вологжане и иных городов люди, купив соль, возят ее в Московские города продавать».

Каргополь расположен на реке Онеге, при выпадении ее из озера Лача. Основан он давно, видимо, в XII веке, когда на Онеге появились новгородцы, хотя первоначальное поселение относится к более раннему времени. Расцвет Каргополя как торгового города начался со второй половины XV века.

Легендарен Каргополь, некогда столица большого края – Каргопольщины, крупный торговый центр древней Руси, посредник в соляной и хлебной торговле Поморья со средней Россией. Была в Каргополе пристань, склады, амбары. Торговля солью и хлебом давала ему немалый доход, город рос. Москва поддерживала торговый престиж Каргополя. Иван Грозный дал каргопольцам монополию на соляной торг, а вологжан и белозерцев велел к морю не пускать. Каргополь был большим по тем временам городом. В XVI веке в нем было восемнадцать церквей, два монастыря со своими святыми, боярами, ссыльными. В Каргополь был сослан вождь крестьянского восстания Иван Болотников, здесь он был утоплен в проруби. С основанием Архангельска торговое значение Каргополя стало падать, а в XVIII веке он совсем захирел, так же как могущественные в свое время Суздаль, Устюг Великий, Сольвычегодск.

Великий Устюг живописно расположился на левом берегу Сухоны, при слиянии ее с Югом. Первое, что бросается в глаза при приближении к нему – его старинный облик: храмы, колокольни, дома, утопающие в зелени. Впервые Устюг упоминается в летопи-

сях XII века. На протяжении многих веков город страдал от пожа-
ров и наводнений. Но страшнее всего были вражеские нашествия.
Татары, вятчане, московские князья, новгородцы, черемиса не раз
нападали на город и разрушали его.

В 1553 году в устье Северной Двины вошел английский торговый корабль. С этого времени началась оживленная торговля России с Западом. Устюг становится крупнейшим центром торговли и получает титул «Великого». На перекрестке дорог в Поморье, на Урал, в Сибирь он стал «Москвы уголком». За это поминали его стрельцы вместе с другими великими городами русскими, переключаясь на кремлевских стенах: «Славен Великий Устюг!»

Великий Устюг прославили землепроходцы. Отсюда, из родного города, они уходили открывать новые земли. Семен Дежнев проплыл вдоль всего северо-восточного побережья Азии и открыл пролив, отделяющий Азию от Америки. Ерофей Хабаров дошел до Амура, по которому проплыл до моря. Владимир Атласов добрался до Камчатки, открыл и обследовал ее. Из Устюга вышли М.В. Неводчиков, А. Бахов, Н.П. Шалауров и многие другие путешественники. В Устюге есть дом В.И. Шилова, который первым исследовал Алеутские острова, есть дом М.М. Булдакова – директора знаменитой Российско-Американской компании, изучавшей побережье Северной Америки от Аляски до Калифорнии.

С давних пор и до наших дней в Устюге процветают народные промыслы: чеканка, просечка по металлу, финифть, мороз по жести, шитье бисером, чернение по серебру. Слава об устюжских мастерах идет по всему свету. Теперь в Устюге строят суда, делают фанеру, музыкальные инструменты, всевозможные машины, не забыты и народные промыслы.

Кроме Каргополя, Холмогор, Архангельска, Онеги важное значение в торговле занимали Кемь, Сорока, Сумпосад, Кандалакша, Кола. Торговые пути были проложены в Свейскую землю (Швеция), Каянскую землю (Финляндия), Лопь (на Кольский полуостров), в Повенец, Новгород, Ярославль, Москву. Торговали поморы со своими западными соседями – шведами и финнами. Возили на продажу соль, рыбу, купленные в Архангельске сукна, шелк, сахар. Об этом говорит летопись того времени: «А которые крестьянишка ездят с торговыми товары... в немцы и тамо товары свои испродают, а на те товары емлют у них медь и белку и иные мяхкие товары, и с теми товарами приезжают...» Ездили поморские крестьяне и на юг. Об этом читаем: «А иные наши крестьянишка с рыбой и с салом ездят в русские города через Каргополь и Вологду, и Ярославль, и до Москвы».

На заставах, на торговых путях, государевы целовальники (чиновники, исполняющие полицейский надзор) осматривали товар и собирали пошлину: в Кемском уезде на Панозерской заставе, на Онеге – в Турчасове. И случались стычки «государевых людей» с не желавшими платить пошлину крестьянами, которые «товаров своих досматривать и записывать не давали, а иных целовальников били до великого увечья», – доносили таможенники Панозерской заставы царю-государю Алексею Михайловичу и просили: «...велити же государи на тое Панозерскую заставу для береженья... таможенного пошлинного збору... послать з города Олонца служивых людей десять человек, чтоб те поморцы и иных мест торговые люди не платя пошлин мимо Панозерскую заставу не проезжали».

Да что драка мужиков с целовальниками! В истории России известны драки посерьезнее из-за соли. В июне 1648 года в Москве вспыхнул «Соляной бунт» – настоящее восстание городской бедноты. Причина этому – введение в первые годы царствования Алексея Михайловича налога на соль. Инициаторами налога были думный дьяк Посольского приказа Чистов, судья Земского приказа Плещеев и боярин Морозов. От мести восставших пострадали многие бояре, состоятельные горожане, дьяки. Дома их были сожжены и разграблены. Напуганный происшедшими беспорядками молодой царь подчинился требованиям восставших: выдал инициаторов налога, которых народ растерзал, пообещал прекратить беззаконие. Об этом в Москве говорили: «Царь залез в смирную одежду».

Поморские товары приобретали все большую известность и спрос, как на внутренних, так и на зарубежных рынках, и поэтому с XVII века Беломорье включается в систему всероссийского рынка.

Важным явлением в жизни Беломорья было возникновение торговли между русскими промышленниками и иностранными купцами. Первыми о существовании рыбных промыслов на Мурмане узнали ближайшие западные соседи – норвежцы, которые уже в 50-е годы XVI века (возможно и ранее) стали отправлять суда в становища Мурманского берега для покупки у русских рыбаков трески, жира, семги и других продуктов. Вслед за норвежцами северный морской путь в Россию проложили англичане.

В 1553 году английское правительство снарядило три корабля для поисков пути в Китай и Индию через воды Севера. Два из них штормом выбросило на берег и они остались на зимовку. Вес-

ной оба судна были найдены поморами, пришедшими на промысел. Они сообщили властям, что корабли «стоят на якорях в становище, а люди на них все мертвы, и товаров на них много». Третий корабль, которым командовал Ченслер, в том же году достиг устья Северной Двины. Холмогорские власти препроводили Ричарда Ченслера по Северной Двине через Великий Устюг и Вологду в Москву. Царь Иван III встретил заморского гостя милостиво и радушно: был устроен пышный прием и торжественный обед. Приезде английского путешественника правящие круги России были обрадованы неспроста. Россия тогда значительно отставала от запада. Она нуждалась во многих важнейших товарах. Правительству нужно было серебро для чеканки монет, оружие и порох для армий, церкви – колокола, кубки, феодальной знати – предметы роскоши, пряности, состоятельным слоям населения – посуда, сукна, вина, украшения. Все это можно было купить в западной Европе, но враждебно настроенные соседи России – Швеция, Литва, Польша, Турция – всячески мешали развитию торгового обмена России с другими странами. Боясь усиления России, они не пропускали через границу самые нужные товары. Черное море было вообще закрыто для торговли – оно в то время принадлежало Турции. Только на Севере Россия могла торговать без посредников, вступая в прямую связь с купцами Западной Европы.

Возвратясь в Англию, Ченслер ознакомил своих соотечественников с результатами поездки в Московию. Он писал: «Эта страна очень богата товарами... Русские – отличные ловцы семги и трески: у них много жира, называемого ворванью. Они ведут также крупную торговлю вываренной из воды солью. В северной части страны находятся места, где добывается пушнина – соболя, куницы, молодые бобры, белые, темные и рыжие лисицы, выдры, горностаи и олени. Там имеется рыбий зуб (моржовые клыки)...» В Новгородской земле «растет много хорошего льна и конопли, а также имеется много воска и меда...»

Все эти товары интересовали англичан. Для них открывалась перспектива выгодной торговли с Россией у ее северных берегов. В Лондоне была создана «Псковская компания», в которую вошли купцы и представители феодальной знати. Уже в 1555 году в Северную Двину прибыло пять английских кораблей с товарами.

Узнав об этом, русские купцы и промышленники повезли свои товары к Холмогорам.

В середине XVI века пути на Белое море были хорошо освоены русскими людьми. Полноводные реки, текущие на Север, облегчали доставку грузов из центра страны. Зимой с успехом пользовались санным путем – везли с Поморья соль, рыбу, сало, пушнину. На Северной Двине, Онеге и их притоках имелось большое количество транспортных судов. В междуречьях, у волоков жили крестьяне, занимавшиеся извозом (перевозкой грузов). Вследствие этого перевозка товаров не представляла особых трудностей.

Торговля с иноземцами сулила русским купцам большие барыши. Холмогорский торг стал быстро развиваться. Иван Грозный выдал английским купцам жалованную грамоту на право беспошлинной торговли у города Холмогор, здесь они могли иметь дворы, склады, причалы и торговать любыми товарами.

В середине XVI века в Кеми, Шуге, Сумпосаде открываются торговые базы иноземцев (голландца Симона Ван Селингена). Все чаще вдоль побережья Белого моря появляются торговые суда англичан, норвежцев, датчан. Как мухи на мед, бросились в Беломорье иностранные купцы, и прежде всего англичане.

О том, как привезти товары к Белому морю из Новгорода, сообщают в своих путевых записках Томас Содетен и Джон Спарк: «От Повенца до Сороки вниз по опасным рекам, по которым мы проехали, невозможно ни в какое время года перевозить товары, идущие из Новгорода, Нарвы и иных подобных мест. Ибо летом нельзя вести товары... вследствие водопадов, спадающих со скал, то же самое происходит и зимой из-за силы и течения рек, которые иногда так поднимаются, что в некоторых местах никогда не замерзают. Все товары, идущие из Новгорода в Повенец, перевозятся зимою сухим путем в селение, называемое Сумь (Сумский посад), расположенное, как и Сорока, на берегу моря... По рассказам русских можно иметь до 2000 подвод. Из Новгорода каждый год зимой идет много санных подвод с возчиками в Сумь за солью. Из Новгорода в Сумский посад перевозка товаров обойдется до 8 или 9 пенсов за пуд... В Сумском посаде также много складов, недостатка в них для наших товаров ждать нельзя...»

Вслед за английскими кораблями на русский Север стали прибывать корабли голландских и французских купцов. Однако

доступ к Холмогорам был для них закрыт, так как по жалованной грамоте Ивана IV торговать на Двине имели право только англичане. Тогда голландские и французские купцы вступили в переговоры с торговыми людьми Новгорода, Вологды, Ярославля и других городов и заключили с ними соглашение о привозе товаров на Мурман, на который привелегия англичан не распространялась. Для западно-европейских купцов Мурман был более подходящим местом для торговли: он расположен намного ближе и доступен в любое время года, тогда как Белое море надолго замерзало и корабли могли подходить к Двине только летом. Русским купцам также было выгоднее вести торговлю на Мурмане, потому что англичане, объединенные в «Московскую компанию», пользуясь монополией на Двине, скупали русские товары по дешевке.

На Мурмане торговля происходила в условиях конкуренции. Уже в 1557 году здесь, помимо русских, саамов и норвежцев, были голландские и датские купцы. Вскоре стали приезжать французы, немцы, англичане. Стараясь перехватить друг у друга ходкие на Западе русские товары, они платили за них в полтора-два раза больше, чем англичане на Двине. В короткий срок Мурманская торговля достигла значительных размеров. Иноземцы везли в Россию вина, сукна, атлас, бархат, оружие, металлы, украшения, сахар, краски, посуду, колокола и многое другое. Свои товары иностранцы продавали в России в два-три раза дороже, чем они стоили в Западной Европе. Выгоды их возрастали от закупки русских товаров. За шкурку песца они на Мурмане платили 15 копеек, а продавали за 40 копеек, бочку соленой семги покупали за 2 рубля, а сбывали у себя за 4 рубля, в переводе на русские деньги.

Путь в Россию вокруг Скандинавии был нелегким. Случалось, что корабли тонули, подвергались ограблению. Но ничто не могло остановить западноевропейских купцов, когда каждая поездка приносила огромную прибыль. Русские купцы, торговавшие на Мурмане, тоже имели немалые доходы. Бочка льняного масла, стоившая в Москве 2 р. 50 коп., продавалась на Мурмане за 6 руб. 60 коп. Соболи скупались у охотников по 25 коп. за шкурку, а продавались иноземцам по 62,5 коп.

Население и промышленники Мурмана быстро втянулись в торговлю с иностранными купцами. Доходная торговля способствовала увеличению добычи рыбы и зверя, пушнины, пуха. Между-

народная торговля на Мурмане в 50-60 годы XVI века велась главным образом в становище Вайдагуба, расположенном в северо-западной части полуострова Рыбачьего. Оно находилось ближе всего к морскому пути, по которому с Запада плыли иностранные корабли, тут были сосредоточены становища, в которых жили русские, саамы, карелы, занимавшиеся ловом трески. На Петров день они съезжались в Вайдагубу для продажи своих продуктов иностранным купцам.

С начала 70-х годов XVI века основным торговым пунктом Мурманна стала Кола. В 1584 году в устье Северной Двины был основан Архангельск, а в 1585 году последовал царский указ о переводе торга с иностранцами в Архангельск. В Коле русские могли продавать только продукты промыслов: треску, семгу, ворвань.

После выхода России на Балтику (при Петре Первом) торговое значение Беломорья упало. Внешняя торговля стала вестись преимущественно через Петербург, Ригу и другие прибалтийские порты. На Мурман для закупки сала и рыбы приходило не более 5-7 иностранных кораблей в год. Ввиду прекращения торговли с иностранцами на Мурмане, царское правительство указом от 28 августа 1625 года упразднило Кольскую таможенную заставу, что свидетельствовало об окончательном упадке торговли на Мурмане.

В пореформенную эпоху установились более тесные экономические связи и торговля между Мурманом и странами Западной Европы. Этому способствовало заселение Мурманского берега колонистами и появление факторий, разрешение беспошлинного ввоза товаров для колонистов и развитие пароходного сообщения. Из Англии поступала соль, хлопчатобумажная бечева, рыболовные крючки, тара, якоря, сукна, ситцы, сахар, чай, из Германии – промысловая одежда, посуда, коровье масло, из Норвегии – спиртные напитки (до 1886 года), мыло, спички, керосин и многое другое. В 1887 году на Мурмане было продано иностранных товаров на 40 тысяч рублей, а доля отечественных товаров в потреблении снизилась. Из Архангельска привозилась мука, крупы, солонина, пенька, веревки, смола, лес, кирпич, тара. В Петербурге закупалось парусное полотно, бакалейные и галантерейные товары. Продукты мурманских промыслов, в середине XIX века шедшие исключительно в Архангельск, теперь отправлялись в порты Атлантики и Балтики. Рыбий жир и ворвань сбывались в Норвегию, соленая рыба до 30–

40% продавалась в Петербурге и Риге. В 1894 году на 25 кораблях было доставлено в Петербург 320 тысяч пудов трески.

Развитие капитализма на Мурмане выразилось в росте местной торговли. Центрами ее стали фактории, владельцы которых пользовались правами колонистов. Население, жившее на полуострове Рыбачьем, систематически торговало с норвежцами. Одним из важных предметов торговли была соль – ее ежегодно на Мурмане потреблялось около 170 тысяч пудов. Торговцы закупали ее в Англии, Ливерпуле («ливерпулька» – так называли ее поморы), Галле за 5 копеек за пуд, а на Мурмане продавали по 30–40 копеек, а иногда и дороже.

Еще более выгодной статьей дохода была продажа спиртных напитков. Изнуренные тяжелым рыбацким трудом, в поисках забвения от тяжелых житейских горестей, рыбаки иногда употребляли их. До 1886 года в продаже был исключительно норвежский ром – напиток, непригодный для употребления. В Норвегии, как вредный для здоровья, он был запрещен для продажи. В 1886 году продажа привозных спиртных напитков на Мурманском берегу была запрещена и в ход пошла русская водка. Колонистам разрешалось привозить ее в неограниченном количестве «для своего употребления». Они получали ее бочками и поили промышленников у себя под видом «гостей».

По мере колонизации Мурманского берега и увеличении самостоятельных артелей, создавались благоприятные условия для деятельности скупщиков. Мелкий промышленник не мог сбывать свои продукты, треску, сало, в Архангельск или Петербург, так как не располагал ни временем, ни плавсредствами. Ему приходилось продавать улов по низкой цене или скупщикам, или фактористам, имевшим мореходные суда. В 80-х годах пуд соленой трески стоил на Мурмане 80-90 коп., а в Архангельске – 1 руб. 20 коп., в Петербурге – 2 руб. 80 коп. Провоз рыбы до Архангельска обходился в пределах 10 копеек за пуд. Скупка рыбы на Мурмане приносила огромные барыши. Ею стали заниматься петербургские и рижские капиталисты, которые охотно кредитовали желающих вести самостоятельный промысел хлебом и снастью, с одним условием: сдавать рыбу им по местным рыночным ценам.

С открытием пароходного сообщения по Белому и Баренцеву морям монополия местных торговцев стала рушиться. На паро-

ходах можно было купить необходимые товары по более низким ценам.

Дальнейшее развитие получила торговля не только на Мурмане, но и в Беломорье. Появилось много «коробейников», переезжающих из одного селения в другое на лошадях. Они торговали ситцем, платками, лентами, кольцами, серьгами, пуговицами и разной галантерейной мелочью. Коробейный способ торговли сохранился вплоть до окончания НЭПа (новой экономической политики, введенной Лениным).

Мне было лет пять или шесть, и я помню, как по нашей Унежме ходили приезжие мужчины с узлами и большими коробами, заходили в дома и предлагали товары. Коробейников у нас называли «торгованами». Приходили торгованы и в наш дом. Когда на полу они развязали узел, в доме сразу стало светлей и ярче: все блестело и сверкало. Тут были коробочки, баночки, ленточки, куски ситца, платки, зеркала и многое другое.

Много всяких «торгованов» проезжало через наше село. Раз даже проезжал такой, который организовал лотерею. Он получал деньги с сельчан, а уплативший тащил из мешка пакетик, на котором был написан выигрыш. Мы с братом Дмитрием узнали и побежали смотреть, как выигрывают. Нас это заинтересовало, и нам тоже захотелось вытянуть номерок и выиграть. С трудом мы выпросили у матери по две копейки и пошли к «торговану». Первым номерок тянул брат. У него в пакете оказались пуговицы. Потом тянул я. У меня выигрыш – два шила. И Митя тут же, как только увидел, скороговоркой выпалил: «Шилья-могиля». Это получилось так неожиданно, что меня заставило задуматься: «О каком шилье-могилье он говорит? Неужели мы все умрем?» Больше мне не хотелось играть, я убежал домой и старался не думать о лотерее, но эти слова не выходили из головы. А ночью было еще страшнее: черная тьма ночи и вправду казалась могилой. А еще было очень жалко копеек, отданных ни за что. Ведь на эти деньги, четыре копейки, в то время можно было купить фунт конфет – карамели.

ПО ТОПЯМ И ЛЕСАМ

После заключения мирного договора с Турцией Петр Первый все свое внимание перенес на Балтику и Белое море, чтобы вернуть Российскому государству искони русские земли и установить мир на севере. Свой поход с целью изгнания шведов из Прибалтики он решил начать с Белого моря. Сначала он наметил путь от Архангельска по морю до реки Онеги, затем по Онеге, далее сухим путем до Новгорода. Для разведки в эти места указом от 8 июня 1702 года был командирован писарь Преображенского полка Игнат Муханов. Неизвестно, чем закончилась деятельность Муханова, но только проложение дороги было поручено сержанту Преображенского полка Михаилу Щепотьеву.

К строительству дороги Щепотьев приступил в конце июня. В помощь ему был собран народ из трех губерний: Архангельской, Новгородской, Олонецкой. Путь для кораблей и войска Щепотьев начал прокладывать от усолья Нюхча, от Вардегоры, как было обозначено царем на карте, до Повенца. На том месте, откуда начиналась дорога, у моря стояли избушки рыбаков и добытчиков соли. От Нюхчи до Вожмосалмы, что на Выгозере, 119 верст, из них 67 совершенно топких, непроходимых, болотных, которые необходимо было застилать мостами. Это было самое трудное место для устройства дороги. Чтобы сделать мосты, приходилось возить по болоту бревна за 5-10 верст. В то же самое время другие крестьяне рубили деревья, делали просеку, наводили мосты через речки и ручьи, делали пристани у Вардегоры и в Повенце.

После этой черновой работы второй эшелон приводил просеку в проезжий вид: очищал от камней, пней, поваленных деревьев. В августе вся невероятно трудная работа была закончена и Щепотьев доносил царю из Повенца: «Известую тебя, государь: дорога

готова, и пристани, и суда по Онеге готовы, а подвод собрано по 2-е августа – 2000, и еще будет прибавка, а сколько судов и какою мерою, о том послана к милости твоей роспись с сиим письмом».

Карлу XII, королю Швеции, и в голову не могла придти мысль о том, что русский царь находится на Белом море и ведет корабли и войско по дебрям Поморья и Выговского края и доставит их к крепости Нотебург. Кто видел эти места, тому намерение Петра могло показаться безумным, если бы блестящее его осуществление не стало историческим фактом. Впрочем, и Петр не сразу решился на такой поход!

Из Архангельска Петр направился вниз по Двине «помолиться» Зосиме и Савватию. Приплыв в Новодвинскую крепость и погрузив на 13 кораблей, построенных на Соломбальской верфи, оружие, провиант, снаряжение и четыре тысячи солдат, он отправился на Соловки. В пути начался шторм, который едва не потопил судно, на котором плыл царь Петр со свитой. Поморскому кормщику удалось проскочить мимо опасных Унских рогов и войти в тихую Пертоминскую бухту. Тут в монастыре все отсиживались, пережидая бурю. На берегу моря царь поставил крест, на котором собственноручно вырезал: «Поставил сей крест капитан Питер». После этого царь благополучно доплыл до Соловецких островов, где провел несколько дней.

В Соловецкий монастырь Петр Первый приехал часа за полтора до захода солнца. Его встретили колокольным звоном и пальбой из всех монастырских пушек. За пушечную пальбу поблагодарил, а колокольный звон велел прекратить. Все думали, что царь пойдет в главные ворота монастыря, где его ждали на богомолье, но он отправился вдоль стен Кремля, чтобы убедиться, «сколь может быть неприступным монастырь в случае нападения неприятеля». И только обойдя Кремль, он прошел в Святые ворота.

Ночью, когда все спали, Петр вместе с архимандритом обошел все монастырские тюрьмы. Архимандрит рассказывал про каждого узника. Многих царь знал – находились они здесь в заточении по его указу. Он сам снял кандалы со своего бывшего духовника Иллариона, наговор на которого не подтвердился. Под Головленковской башней томился бывший тамбовский епископ Игнатий, который набросился на царя с бранью. Петр схватил плеть и так крепко избил бывшего служителя церкви, что тот через два дня умер.

В монастыре царь прожил несколько дней. Все видели, что он кого-то ждет. Наконец в губу Благополучия приплыл на карбасе человек, потребовавший, чтобы его провели к самому государю. Петр прочитал переданную от Щепотьева грамоту, в которой говорилось: «Идти на кораблях можно». И тогда царь объявил, что на следующий день назначается отплытие. Это был последний приезд Петра на Белое море. Он отплыл на тринадцати кораблях в Нюхчу к подготовленной Щепотьевым дороге, которую народ назвал «Осу-даревой».

10 августа 1702 года к Нюхче с Соловецкого монастыря подошел флот в составе тринадцати кораблей во главе с Петром, царевичем Алексеем, Меншиковым, многочисленной свитой, духовенством и пятью батальонами гвардейцев (более четырех тысяч солдат). У Вардегоры к кораблям подходили пустые карбасы, загружались и возвращались на берег. На берегу стояли пушки на больших колесах, обозные телеги, повозки для царя и свиты и многое, необходимое для похода. Корабли разгружали солдаты, а на берегу работали мужики.

Разгруженные корабли отводили к Ришлуде. Лишь два малых фрегата, «Курьер» и «Святой дух», были подтянуты к берегу. С них сняли все, вплоть до каменного балласта, сняли такелаж и выдернули мачты. На берегу поставили на салазки, с помощью которых надо было тащить фрегаты сухим путем.

Никогда еще у Вардегоры не собиралось столько кораблей и не было согнано так много народа. На берегу стоял архимандрит Фирс и думал, что давно обитель не подвергалась такому опустошению. Царь увез всех мирских трудников, забрал все продовольственные запасы и деньги. Он распорядился привести в порядок все тюремные помещения, построить новые, а на Заяцком острове, около которого стояла эскадра, возвести церковь. Взамен всего этого подтвердил преимущества, которыми пользовался монастырь на Белом море, подарил свою карету и порох.

Два малых фрегата поставили на салазки, а остальные ушли в Архангельск. К каждому из фрегатив было определено по сто лошадей с возчиками и по сто пеших крестьян. Фрегаты стояли на обнажившемся дне моря. От салазок к берегу протянули канаты с ляжками. Пригнали лошадей и впрягли, привели мужиков, которым велели разобрать оставшиеся ляжки. Около лошадей встали солда-

ты с кнутами, а около мужиков солдаты с фузеями (ружьями). После выстрела Петра солдаты заорали на лошадей и крестьян. Все напряглись, и оба фрегата, дрогнув, двинулись к берегу. Для более быстрого продвижения под салазки подкладывали катки.

Огромные массы солдат шли через Нюхчу. То и дело застревали в колдобинах подводы, одну вытаскивали, другая ныряла в ту же яму. Слышалась ругань, а люди все шли и шли по узкой улочке Нюхчи, никогда не знавшей такого обилия народа. На взгорье, на суше, странно было видеть два фрегата, два морских корабля, которые медленно двигались, словно плыли, среди сотен людей, тянувших канаты, подкладывавших катки. Петр перекрестился, вздохнул и молча пустился догонять армию. Старики и старухи, детишки и молодухи – нюхотские староверы, смотрели не без страха на быстро шагающего по вязкой грязи черноволосого, с трубкой в зубах, царя.

Старики, провожая царя взглядом, крестились, качали головами и бормотали:

– И куда их, еретиков, понесло? Не иначе рушить наши острожки-монастырьки, ну да не отыщут, потонут в болотах, засосет дьяволов, сгинут никонианцы поганые, трубокуры...

И словно наваждение, исчезла царская армия, закрыло ее беломорским серым дождем и туманом. А древние старики все смотрели вслед трубокуру-царю, качали головами, перешептывались:

– Истинно антихристово пришествие!

– За грехи наши карает нас господь!

У нас в России Нюхча не одна. Нюхча беломорская знаменита – здесь в глухомани побывал сам царь, да еще Петр Великий. Расположена Нюхча в пяти километрах от Белого моря на одноименной реке. Около Нюхчи, на левом ее берегу, Святая Гора, словно огромная опрокинутая чаша – самое высокое место в округе, более ста метров над уровнем моря. Святая гора далеко видна, даже из Унежмы. Отсюда, из Нюхчи, началась знаменитая «Осударева дорога» – волок из Белого моря в Онежское озеро.

Нюхчане крепко хранят в памяти все, что связано с посещением их села Петром. Рассказывают, что царь подарил нюхотскому кормщику, спасшему судно, на котором плыл Петр, кафтан со своего плеча и разрешил бесплатно пить водку во всех кабаках. Другая легенда того времени повествует, что нюхчане у царя «кафтан украли». Видимо, со времени посещения Петром Нюхчи и пошла поговорка: «Нюхчане-цари». Нюхчане не в меру гордились своим именитым званием. Не хотели и унежомы отставать от своих соседей, и когда те хвалились, они отвечали: «А унежомы – короли». Так вот и появилась поговорка: «Нюхчане – цари, а унежомы – короли». «Короли» хвалились необычностью расположения своей деревни – на наволоке, с трех сторон омываемом морем, наличием варак, удаленностью от других сел. Но не только унежомы, но и приезжие всегда восторгались красотой нашей деревни и говорили: «Унежомский наволок – Москвы уголок».

«Осударева дорога» шла на Пулозеро, Возмосалму, по Выгозеру на деревню Телейкину, а затем к Повенцу. От Нюхчи на юг 66 верст непроходимых, болотных, застланных лесом – труднейшая часть дороги. Крестьяне и лошади проваливались в болото, купа-

лись в болотной жиже, но мокрые, истощенные, тянули фрегаты. Другие, совершенно ослабевшие, оставались лежать на дороге. На остановках для отдыха Петра и приближенных ставили зимушки (избы) или палатки, а крестьяне спали прямо на земле или устраивались на деревьях. Днем люди работали, а ночью дрогли и мерзли в мокрой и холодной одежде. Разводить костры было запрещено, чтобы не случился пожар.

Солдаты питались продуктами, взятыми в Архангельске и монастыре, а крестьяне – тем, что было припасено из дому; все жили на сухом пайке. Начались холода и ослабевшие крестьяне валились с ног от холода, болезней и голода. Взамен тех, кто, обессилев, падал и не мог больше подняться, Меншиков пригонял новых, что вели позади, окруженных двойной цепью солдат.

Фрегаты двигались по сузему, как по морю: то они гордо взбирались на кряжи и парили над вершинами сосен и елей, то будто проваливались в бескрайние просторы моховых болот. За фрегатами шли солдаты, далее растягивалась длинная цепь пушек, которые катились на больших колесах, за ними скрипели обозные фуры и повозки для царя и свиты. Наконец, позади всего гнали мужиков, которые должны были сменить тех, кто не сможет больше ни прокладывать дорогу, ни тащить фрегаты, ни вообще что-либо делать. Так двигались с небольшими перерывами от восхода до самого заката. К ночи Петр садился писать указы, рассылавшиеся во все концы государства и за рубеж, давал распоряжения на следующий день.

Поход Петра совершался в глубокой тайне и немногие знали конечную его цель. Среди узкого круга приближенных был молодой помор из Нюхотской волости Семен Поташов – писарь царя. На приказах Петр ставил подпись, а Меншиков запечатывал конверты, передавая ожидавшим гонцам. Несмотря на глубокую ночь, гонцы, сопровождаемые охраной, скакали назад в Нюхчу, а оттуда по тракту через Унежму и Онегу во все концы государства.

Пройдены были топкие болота с глубокими речками, где нужно было накладывать в несколько рядов гать. Но и теперь по лесистым кряжам тащить фрегаты было нелегко, к тому же осталось меньше половины мужиков и пали почти все лошади. До Онежского озера было уже недалеко. С вечера было холодно, а под утро ударил заморозок, покрывший землю инеем. Обессиленные мужики

не успели отдохнуть. До полудня они еще кое-как тащили фрегаты, а затем, когда их начали подгонять плетьюми, вышли из повиновения, бросили корабли. Мужики кричали, что нужно разбить фрегаты – от них пошло мучение, надо порешить царя-ирода: будь он настоящим царем, а не подменным чужеземцем, не погубил бы столько народа, пусть их всех порешат, никто дальше не пойдет. В это время появился запах гари, вблизи начинался лесной пожар. Раздуваемый ветром огонь двигался в сторону фрегатов. Мужиков, пытавшихся повалить фрегаты, окружили со всех сторон солдаты, прикатали пушки, направив их на взбунтовавшихся. Видя, что надвигается пожар, крестьяне затихли. Началась борьба с огнем за спасение фрегатов.

Вскоре появились люди в черных одеждах – раскольники с Выгорецкого монастыря, и помогли ликвидировать пожар. Дорога проходила недалеко от монастыря, и они со страхом ожидали своей судьбы. Петру уже докладывали, что в Поморье много раскольников, а на Выгу – монастырь. Петр не велел их трогать, и всегда, когда о них заходила речь, говорил: «Пусть живут».

Через некоторое время царю доложили, что его просят принять Андрей и Симеон Денисовы. Петр принял их в походном шатре.

– Что скажешь, Андрей Денисов? – спросил Петр, приглашая обоих к столу.

Андрей пояснил, что обитель построена на диком месте, люди в ней всякие, боятся царя.

– Как теперь дела? – спросил Петр.

Андрей отвечал, что хозяйство стоит прочно: пашни пятьсот десятин, да покосов столько же, коров сто двадцать голов. Свое рудное дело завели. Петр заинтересовался, откуда берут руду, на что Андрей ответил, что по берегам Онего, близ Повенца.

– Хорошо живете, так чего же еще от меня хотите? – спросил царь.

– Оставь нас жить своим уставом... Страх напал на обитель. Третий день все не работают, обрядились в саваны, поют псалмы. Скотина не поена, не кормлена, ревет в хлевах, – отвечал Андрей.

– Ну что мне с вами делать? Ладно, живите своим уставом, снимайте саваны! Молитесь хоть одним перстом, платите двойной оклад со всего хозяйства! В Повенец пошлите мастеров-

лодочников. Добрых! Мне нужны карбасы и ёлы, судов пятьсот! – сделал наказ Андрею Петр.

Андрей вручил царю мешочек – вклад раскольников в государево дело. По звону Петр определил, что в нем золото, и остался доволен встречей с «дельными людьми». После ухода Денисовых Меншиков спросил:

– Мин Херц, почему же ты был такой добрый с раскольниками, которые тебя ругают и проклинают, богу за твое здоровье не молятся?

На это царь отвечал:

– А кто нам будет руду добывать и пушки делать для войны со шведами?

Вторая половина пути проходила по более удобным местам: кончились болота, начался Масельгский хребет. В Повенец прибыли двадцать шестого августа, пройдя за десять дней сто шестьдесят верст. Посреди просеки, прорубленной до самой воды, стояли на салазках два малых фрегата. Матросы ставили мачты, такелаж, ярко начищенные пушки. На снастях повисли разноцветные флаги. Сухопутный переход через суземок от Белого моря до Онежского озера был закончен. От четырех тысяч мужиков, которые были у Вардегоры, осталось меньше трети, остальные перемерли, а тех немногих лошадей, что выжили, прирезали на мясо.

Петровская гвардия находилась в полной боевой готовности: пушки в полном порядке, имелся боевой артиллерийский запас, для плавания по Онежскому озеру и далее к истоку Невы было собрано много карбасов и других мелких судов. Фрегаты были спущены на воду, и после краткого торжества все войско во главе с Петром отправилось в южную часть Онежского озера, к реке Свири. Река эта соединяет Онежское озеро с Ладожским.

Там, где из Ладожского озера вытекает река Нева, стояла неприятельская крепость Нотебург, построенная еще новгородцами. Освобождение этой крепости было целью похода Петра. Цель эта для неприятеля оказалась скрытой. 11-го октября 1702 года крепость Нотебург под ударами войск Петра пала. Старинный русский город Орешек был освобожден. Победа эта открыла путь России к устью реки Невы и в Балтийское море. Освобожденная крепость-город была переименована в Шлиссельбург, что значило «ключ-город». «А сим ключом, – говорил Петр, – много замков отперто».

Вот что сообщил по поводу похода Петра соловецкий летописец: «Его величество предпринял путешествие... лесами, мхами и болотами от Нюхотской 160 верст, где деланы были мосты Соловецкого монастыря крестьянами... которые продолжали с лошадьми эту работу до зимы. По сей, сделанной ими дороге, протянув людьми две яхты до Повенецкой пристани, от которой Его величество озером Онегою и рекой Свирью на судах проплыл в область Новгородскую, и подступив с воинством под шведскую крепость Нотебург, что ныне именуется Шлиссельбург, взял оную приступом того же года октября в 11 день». Весной следующего года был основан Петербург.

Ну, а что же с дорогой? Дорога заросла и исчезла. Прошел по ней однажды царь с войском и с фрегатами, и больше ею никто не пользовался. Нужна она была для государственной надобности и сделали ее поморы. Помогли государству в трудный час. А у них дороги иные – морские.

Но память о дороге не исчезла. Она стала легендой – даже в наше время трудно представить эту удивительно-легендарную эпопею, осуществленную Петром и поморами.

ОСТРОВ ЧУДЕС

Соловецкие острова расположены в Белом море, при входе в Онежскую губу. В архипелаг входит шесть островов, площадь которых 300 кв.км. Самый большой из них – Соловецкий. Рельеф островов – ледникового происхождения, для них характерны многочисленные холмы, в понижениях – озера и болота. Высшая точка Соловецкого острова – гора Голгофа. На островах более пятисот пресноводных озер, часть которых соединена искусственными каналами. Климат Соловков отличается от климата других районов Беломорья. Несмотря на близость Полярного круга, средняя температура самого холодного месяца, февраля, –11 градусов, а средняя годовая +0,5 градусов. Такой своеобразный микроклимат определяется островным положением, деятельностью циклонов, защитной ролью рельефа и леса.

Соловецкие острова (Соловки) всем русским людям известны. История Соловков начинается с XV века. До этого времени, как писали монахи, постоянно никто не жил «страха ради, морские нужа». Но поморы хорошо знали эти благодатные острова с лесами и озерами. Воды, омывающие острова, всегда были богаты рыбой и морским зверем. Издавна на островах велись прибыльные промыслы. Узнали об этих островах монахи Герман и Савватий, и в 1429 году поселились там.

«Робинзоны» вдвоем шесть лет жили у Секирной горы, но вынуждены были из-за голода уехать на материк. В 1436 году Савватий умер в Сороке, а Герман встретился с Зосимой, тоже новгородским монахом, и они опять поехали на острова.

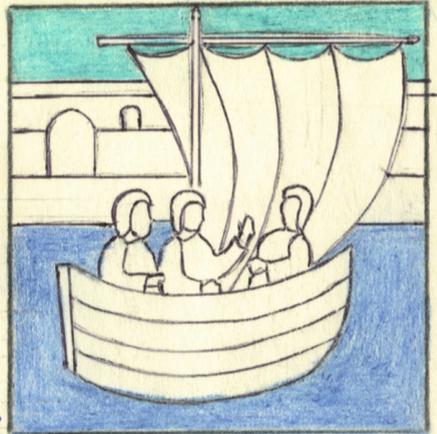
Зосима считается основателем Соловецкого монастыря. Он выбрал для кремля место в гавани Благополучия, собрал небольшую братию, устроил необходимое жилье. Поморы не хотели отда-

вать монахам острова, и между ними стали происходить столкновения. Жители Поморья грозились прогнать незваных. Об этом монахи писали: «Многажды приходяше людие боярстий рабы и населницы хотяши место разорити и нас изгнати». В то время на Карельском и Поморском берегу уже были русские селения – Унежма, Сума, Шуя, Кемь, Сорока. Там же сообщается, что жили в Беломорье «лопи, вдалее же каяне да мурмане», т.е. саамы, финны и норвежцы. Соловки и все Поморье принадлежало Новгороду, новгородским боярам Борецким и другим знатым феодалам.

Отправился Зосима в Новгород просить грамоту на владение островом. Пришел к богатому терему Марфы Борецкой, но та не пожелала с ним разговаривать, велела прогнать со двора. «Но Зосима не покинул Новгород, он пошел к другим боярам, которые встретили его ласково, накормили и напоили. Предание рассказывает, что Марфа спохватилась, велела разыскать соловецкого монаха, а затем устроила пир и пригласила на него Зосиму. Зосима добился своего, вернулся не с пустыми руками, а с драгоценной грамотой: отдала монастырю посадница не только острова, но и Сумскую и Кемскую волости. А произошло это в 1450 году.

До Савватия,
Германа и Зосимы, по
словам монахов, на
Соловках никто не был
„страха ради, морские
нужа“

Но поморы издавна
плавали на эти благодатные острова,
жили по долгу на них, ловили рыбу и зверя.

В 1436 г. на Соловецких островах возник монастырь. Основатели его Герман и Зосима жаловались: Многочисленные приходящие к нам люди боярской рабы и насельники...

В гавани Благополучия, на узком перешейке между морем и Святым озером, расположен кремль Соловецкого монастыря, окруженный толстыми стенами циклопической кладки из диких камневалунов весом до шести-семи тонн. Стены монастыря начали строиться в 1584 году по плану монаха Трифона. Возводились они двадцать лет. Протяженность стен 510 сажен, высота 5–6, ширина 3 сажени (сажень равна 2,13 м). Имеет кремль форму пятиугольника, по всем пяти углам стоят круглые конусовидные башни с амбразурами для пушек.

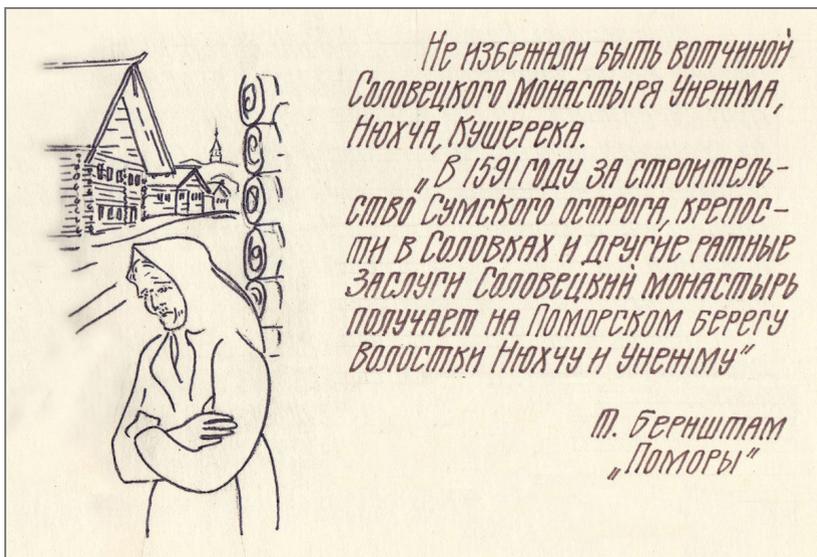
Монастырь был важным стратегическим пунктом на Белом море. Архитектурный ансамбль Соловецкого кремля формировался в течение нескольких столетий. Успенский собор с Трапезной и Келарской палатами построен в 1552–1557 годах новгородцем Игнатием Салкой, Преображенский собор в 1558–1566 годах. В более позднее время строилась Благовещенская надвратная церковь, жилые, хозяйственные корпуса и другие постройки.

Монастырь рос и хорошел, расширялись его владения. В XVI веке увеличивается население в возникших на Поморском берегу селениях. В 1539 году монастырь получил во владение реку

Шижню и деревню Сухой Наволок с «небольшими волостками», остров с варницами и три сенокосных обжи, в 1548 году – волостку Вирму, в 1550–1555 годах ему были пожалованы значительная часть волости Сумы и две деревни Колежмы – «деревня на устье Колежмы (реки), да деревня Колежма ж». В последующие годы пожалования продолжались. В 1591 году за строительство Сумского острога, крепости в Соловках и другие ратные дела царь Федор Иванович отдал монастырю волостки Нюхчу и Унежму. В той же грамоте подтверждается законность прежних пожалований.

В начале XVII века, в 1613 году, последовало новое пожалование: на этот раз была полностью отдана Соловецкому монастырю волость Шуя Карельская. В 1635 году, согласно грамоте, выданной царем Михаилом, «Вся Керетская волость вместе с людишками переходит во владение Соловецкого монастыря». В Каргопольской земле вотчина монастыря простиралась по реке Онеге на Турчасовский стан и Пияльское усолье. На Северной Двине монастырю принадлежала Красноборская вотчина, рыбаки Лямецкого берега тоже платили дань Соловецкому монастырю.

Не стеснялся могущественный монастырь потеснить и более слабого собрата. Торговались соловецкие и кожеозерские монахи из-за волостки Кушереки и Соловецкий монастырь перекупил ее.

Московские царские грамоты неизменно подтверждали особое «наше призрение», потому что он, монастырь, «безвотчинный и заморский». И сами монахи плакались в грамотах: «Монастырь – место невотчинное, пашенных земель нет, разве что соль продадут, тем и запас всякой на монастырь купят и тем питаются». Явно лукавили монахи! В XVIII веке вотчина монастыря составляла 1640 кв. верст земли и 5 тысяч душ крестьян. Так Соловецкий монастырь, место «невотчинное», стал хозяином Поморья, властелином большого края.

Монастырь – это община людей одного пола, уединявшихся для «благочестивой» жизни, решивших строго соблюдать предписания церкви. Поступая в монахи, люди давали обещание жить в бедности, послушании и безбрачии. Они уходили из семьи, принимали новое имя, надевали особую одежду и посвящали себя «служению богу», то есть много времени проводили в молитве, ограничивали себя в питании, занимались «богоугодными» делами – строили храмы, проповедовали христианскую веру, и т.п. Согласно учению церкви, таким путем можно было «спасти душу» – обрести вечное блаженство в загробном мире, попасть в рай. Правительство покровительствовало монастырям, давало им привилегии и льготы: освобождало от повинностей, закрепляло за монастырями земли и крестьян, предоставляло самостоятельность в управлении и суде. Считалось, что молитва монахов – людей, принявших «ангельский лик» – более угодна богу, чем молитва обыкновенных людей – мирян. Многие богатые и знатные люди, включая самого царя, давали монастырям щедрые вклады: земли, деньги, различные ценности, с тем чтобы монахи молили бога и «за здравие» вкладчиков, и «за упокой» их души после смерти.

В монастыри шли самые разные люди – от князей и бояр до холопов и бродяг. Одни – чтобы постом и молитвой искупить свои грехи, другие – чтобы не платить податей, жить более спокойно и обеспеченно, третьи – чтобы сделать карьеру, получить высокую духовную должность, четвертые – чтобы избежать наказания. Монастыри являлись прибежищем для преступников. Небезызвестный Г. Штаден писал: «Если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре он был свободен от преследования». Считалось, что злодей, постригшийся в монахи, навсегда порвал со своим прошлым и судьей ему будет

сам бог. Состав монашеской братии всегда был пестрый, социально и морально неоднородный. Добропорядочных, честных, искавших в монастырях утешения, было немного. В большинстве монахи были людьми своекорыстными, лживыми, жестокими, стоящими ниже трудовой крестьянской массы.

В монастырях, как и в мирской жизни, не было равенства. Господствующее положение занимали игумен (глава монастыря), келарь (заведующий хозяйством), казначеи, приказчики, ведавшие различными хозяйственными службами (солеварением, скотными дворами, рыбной ловлей). Рядовые монахи обслуживали «старшую братию», выполняли внутримонастырские работы. В бесправном, угнетенном положении находились послушники – лица, готовые принять монашество. Трудники, богомольцы, крестьяне приходили в монастырь в надежде получить милость от бога. Они рубили лес, заготавливали дрова и сено, ловили рыбу, строили здания, убирали камни, корчевали пни, выполняли самые тяжелые и опасные работы. Монахи беззастенчиво эксплуатировали эту даровую рабочую силу, строили на даровой силе свое благополучие. Старшие монахи вели праздную жизнь. Царь Иван IV так описывал порядки в Кирилло-Белозерском монастыре: «Монахи едят да пьют что в миру... постилы, коврижки и прочие изысканные кушанья, братства нет и в помине – боярин по-старому боярин, а холоп по-старому холоп».

Монастыри стремились эксплуатировать не только стекавшихся к ним людей, но и крестьянское население. Монахи нередко захватывали у крестьян сельскохозяйственные и промысловые угодья, особенно тогда, когда им приходилось иметь дело не с целой общиной, а с отдельными крестьянами. Они силой сгоняли прежних владельцев с освоенных ими участков, давали чиновникам взятку, и те оформляли документы на право владения этими угодьями. Так разными способами монастыри приобретали промысловые тони, землю, сенокосы, превращаясь в крупнейших землевладельцев. Помимо Соловецкого, наиболее энергично вели наступление на крестьян Поморья Николо-Карельский монастырь, находящийся у устья Северной Двины, Антониев-Сийский – в 90 верстах от Холмогор, Кирилло-Белозерский – в 110 верстах от Вологды.

В Соловецком монастыре производилось все необходимое для нужд братии. Это было настоящее натуральное хозяйство, об-

разцовое хозяйство. Тут были целые заводы: салотопенный, свечной, гончарный, кирпичный, лесопильный, кожевенный, мукомольная мельница, сапожная, портняжная, иконная, серебряных дел, малярная, столярная, слесарная, переплетная, корзинная, санная, колесная, экипажная мастерские; кузница, смолокурня и другие заведения. Имелось обширное молочное хозяйство и конный завод. Лугов было 20 тысяч десятин, сена накашивали по 50 тысяч пудов. Привозилось на остров только то, что нельзя было производить: зерно, сахар, крупа, чай. Использовались монастырем и технические новшества: был построен сухой док, сооружена электростанция. Монастырь владел четырьмя пароходами и несколькими парусниками. Капитал его год от году рос и в 1900 году составлял пол миллиона рублей, а все имущество оценивалось в 10 миллионов рублей.

После падения Новгорода, когда Поморье перешло во владение Московского государства, Соловецкий монастырь стал как бы «государством в государстве», со своей территорией, своим административным, судебным и налоговым аппаратом, ему были доверены сбор податей и пошлин. Для выполнения этих обязанностей монастырь имел в Суме, Сороке, Шуе, Кемь, Онеге, Архангельске, Холмогорах, а также в Вологде, Новгороде, Москве, а потом и в Петербурге постоянные подворья.

Монастырь рос и хорошел. Возникали церкви, расчищали лес под луга и пастбища, прокладывали дороги, появилась дамба через пролив между островами. Все это изумляло приезжающих на Соловки. Слава у Соловков была огромная. Паломничество на Соловки совершали очень многие и среди них вождь крестьянского восстания молодой Степан Разин. Богомольны шли по дорогам с котомками, в лаптях, христорадничали под окнами, кое-как добирались до Сумы или Архангельска, а там их сажали на пароходы, везли, кормили – и умножалась слава монастыря-добродетеля. В XIX веке за лето Соловки посещало до 20 тысяч человек. Одни «кружечные сборы» доходили до ста тысяч рублей в год.

Сами монахи не могли бы превратить этот скупой северный клочок земли в «остров чудес» (тем более, что их в монастыре было не более четырехсот человек), если бы не трудники, которых постоянно в монастыре жило до тысячи человек. Трудники – это крестьяне, которые по обету или по воле родителей шли работать на «Зо-

симу и Савватия». А обет давался по каждому поводу: за спасение на море, выздоровление ребенка или жены и др. Вот и благодарили «угодников» крестьяне своим трудом, ведь кроме рук у бедняка ничего не было. Руками крестьян-трудников, в основном жителей Поморья, создавались «чудеса» на острове: кремль, храмы и церкви, дамба, сухой док, каналы, пашни, сенокосы и многое другое.

Построенный трудом сотен и тысяч крестьян чудо-кремль благородно суров. Тут частица России, блестящая страница в истории русского инженерного искусства и архитектуры.

Соловецкий монастырь считался первоклассным, имел свой устав и подчинялся непосредственно Синоду – высшей духовной власти в России.

На Севере, где ничего не дается даром, приходилось трудиться не покладая рук, не было монахов, разжиревших от безделья. Да и монахами были в основном крестьяне-поморы, самой жизнью приученные к работе. Многие крестьяне, спасаясь от непосильных налогов, бросали свои дома и уходили либо в монастырь, либо в другие места. В писцовых книгах XVI–XVII веков перечисляются десятки «запустевших деревень». Писцы отмечали, что они запустели от «государевых податей», «от государьского правежа».

Немало было в Беломорье монастырских земель, но жадным монахам все было мало. Хитростью, обманом, насилием они старались обобрать крестьян и заставить их работать на монастырь. Нелегким был труд беломорских крестьян, и еще безрадостнее жизнь. За неуплату податей и налогов монахи жестоко наказывали. Сохранилось предписание высшего духовного лица Соловецкого монастыря о применении экзекуций: «Монаху Дионисию отправиться в Шую Карельскую, схватить там крестьянина Андрея Еремеева, заковать в цепи и скована привезти на монастырский двор, бив палками и плетью, пока не заплатит подати монастырю».

Закабалив людей, монастырь подчинил своему влиянию и многочисленные промыслы, которыми издавна занимались беломорские крестьяне: рыбный, зверобойный, слюдяной, солеваренный, железный, жемчужный. В первую очередь монахи прибрали к рукам семужный промысел. Это выражалось в том, что каждая десятая выловленная семужина должна быть отдана монастырю. В дальнейшем такой порядок перешел на все виды промыслов. Монахи получали богатые семужные тони путем правительственных пожалований и пожертвований сначала на Поморском и Карельском берегу, а в середине XV века проникли на Кольский полуостров. «За морем в Умбе реке... старец же бе тамо, Фотей имянем, с содельниками своя, ловяще рьбу на монастырь», – так писали монахи.

Не осталось без внимания монастыря и солеварение. Мелкое крестьянское хозяйство не могло конкурировать с крупным, которое развил монастырь. Это привело к поглощению мелких крестьянских варниц. В течение XVI века монастырь скупил или получил их в виде пожертвований почти по всему побережью. В монастыр-

ских солеварнях работала беломорская беднота – «казаки» и «бобыли». Соль в древней Руси – товар недешевый, и на соли росло монастырское богатство. В XVI веке монастырь продавал шесть тысяч пудов соли в год, а в XVII – до ста тридцати тысяч. Монастырские суда везли ее по Северной Двине и Онеге в Вологду и Каргополь, а оттуда – в Москву, Ярославль, Углич, Кострому. Обрато к Белому морю везли хлеб и продукты. Соль и хлеб давали большую прибыль.

Еще один выгодный промысел – слюдяной. Начиная с XII века жители Керетской волости, где залегают слюда, добывали и продавали ее. Побывавший здесь в XVI веке немец-опричник Г.Штаден писал: «Люди кормятся там от стекла, которое добывается из земли. Оно разрывается на тонкие листы, а потом из него делают окна: на русском языке это называется слюда». На московских рынках она получила название мусковит (от слова Москва, Московия). Ее охотно покупали не только местные богачи, но и иностранные купцы. Соловецкий монастырь, пользуясь своим особым политическим и территориальным положением, стал постепенно прибирать к рукам Керетскую волость и добычу слюды. В 1635 году согласно грамоте, дарованной царем Михаилом, «...вся Керетская волость вместе с людишками переходит во владение Соловецкого монастыря». Уже в 1670–1679 годах количество обработанного мусковита доходит до 130 пудов в год. Лучшая слюда – больше аршина (71 см) в длину – шла на царскую десятину, а остальная монастырю. Доход от слюды был немалый, пуд ее ценился от 15 до 150 рублей. На эти деньги можно было купить большую деревню вместе с «людишками». Высокая цена не смущала богатых покупателей: засветились царские и боярские терема прозрачными оконцами. Потребность в слюде увеличивалась, монастырь расширял ее добычу. В XVIII веке разработка мусковита шла на 24 участках.

Начало XVII века было временем «великой смуты». Но, победив интервентов, народ поверил в свои силы и не захотел больше мириться с феодальным гнетом. Почти целое столетие не прекращались народные волнения, зажженные восстанием Болотникова и вылившиеся во второй половине века в крестьянскую войну под руководством Степана Разина. Не много найдется в истории периодов, которые до такой степени были насыщены драматизмом народной борьбы. Во второй половине XVII века отголоски крестьян-

ской войны докатились до Беломорья. Прямым продолжением ее на Севере является Соловецкое восстание – восстание монахов, поддержанное крестьянами, работными людьми, холопами, казаками. Это была своеобразная форма протеста значительных слоев крестьянства против феодальной эксплуатации, вылившаяся в «раскол». Раскольники боролись против всяких церковных реформ, отстаивали основы древнего благочестия против реформ Никона.

Выдающийся церковный деятель того времени, патриарх всея Руси Никон, в миру Никита Минов (1605–1681), через год после принятия патриаршеского сана, в 1656 году, приступил к реформированию богослужения на греческий лад – исправление церковных книг и обрядов с целью укрепления церковной организации. Реформы Никона, помимо укрепления церкви, преследовали далеко идущую политическую цель: сближение русских церковных обрядов с обрядами православных церквей, создавали условия для объединения православных государств вокруг Москвы. Человек железной воли и безграничного честолюбия, Никон не останавливался ни перед чем для достижения поставленной цели. Свою деятельность на церковном поприще он начал в Соловецком монастыре, затем организовал Крестный монастырь в устье реки Онеги, на неизвестном нам острове Кий. Получив высший духовный сан, Никон усердно и настойчиво стал проводить свою политику. Его реформы вызвали сопротивление значительной части русского духовенства. Многие верующие не признали никоновских реформ: молились и проводили богослужение по-старому. Так в русской православной церкви появился раскол. Таким образом антифеодальная борьба обрелась в религиозную оболочку.

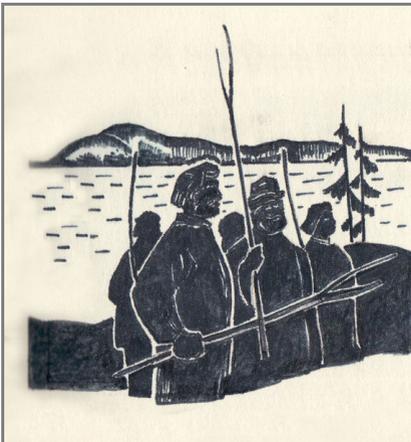
Многие раскольники обладали истинным мужеством и, будучи фанатиками, доходили до того, что выражали свой протест путем самосожжений. Раскольниковство, в целом явление консервативное, нередко перерастало в антифеодальное движение масс. Искоренение раскола оказалось делом нелегким, и Никон, не любивший полумер, начал широкую кампанию не только против самих раскольников, но и против многих народных традиций и обычаев.

Не признав реформы Никона, монахи Соловецкого монастыря послали царю так называемую «Соловецкую челобитную». Ответная грамота гласила: «От противности недоумения и непослушания отстать». Московским воеводам, которых царь присылал

в монастырь, монахи отвечали, что за «старую веру будут стоять насмерть». Мирные переговоры продолжались 13 лет. В то время патриарх Никон сделал попытку возвысить власть патриаршую над царской. Узнав об этом, соловецкие монахи стали оказывать еще большее сопротивление. Но царь Алексей Михайлович реформ Никона не отменил.

К взбунтовавшимся присоединились казаки, бежавшие на Север после разгрома восстания Стеньки Разина. Двое из них возглавили сооружение укреплений и оборону кремля. Узнав, что из Москвы на Суму движется вооруженная рать, монахи отослали на берег всех немощных и малодушных и решили обороняться до последнего. 7 марта 1669 года монастырь запер ворота и держался до 22 января 1677 года. Во время осады в монастыре оставалось 500 человек, 24 медных пушки, 22 железных, 20 пищалей, много порохового «зелья».

Каждое лето на остров приходила царская рать, а с наступлением холодов возвращалась на материк ни с чем. Два военачальника пытались штурмом взять крепость, но безуспешно. Третьим воеводой был назначен Иван Мещеринов. В его распоряжение было дано 900 стрельцов, достаточное количество пушек, пищалей. Он начал осаду по всем правилам, окопался, построил батареи, начал рыть подкопы. Был проведен решительный приступ, но монахи отбили его. Положение войск было не из легких, и, может быть, пришлось бы долго стоять Мещеринову под стенами кремля в зимний

А НАЧИНАЛОСЬ ЭТО ТАК. Став патриархом веря Руси, Никон с согласия царя Алексея Михайла в 1656 году начал вводить новую незнакомую веру. Он заменил старые рукописные книги, где, всех еретиков от века ереси собираны в новые книги, говорил о них протопоп Аввакум.

холод и стужу, если бы не нашелся предатель среди братии, некий чернец Феоктист. Он сообщил Мещеринову, что под кладбищенской церковью, которая находится вне стен монастыря, есть подземный ход к Белой башне, которая почти не охраняется. По этому ходу тот провел стрельцов, которые перебили охрану и открыли Святые ворота. Осажденным не было спасения. Более семи лет продолжалась борьба монахов за «старую веру», известная под названием «соловецкое сидение».

Население Беломорья глубоко сочувствовало монахам, и не без помощи крестьян они так долго продержались взаперти. Поморы систематически, особенно зимой, когда войска уходили, снабжали продуктами. Власти пытались заставить население Беломорья выступить против восставших, но напрасно, ведь у многих в монастыре были родственники, друзья, стрелять в которых они отказывались. В рыбацких селах ходили «листки» и «грамотки», призывавшие к борьбе за «старую веру», против никонианских порядков. Раскольничий писатель Симеон Денисов из Выговской пустыни написал «Историю о запоре и взятии Соловецкого монастыря», известную также под названием «История об отцах и страдальцах соловецких». В ней он рассказывает, что монахи, увидев среди ночи ворвавшихся стрельцов, затворились по кельям. Воевода в кельи не пошел – все же святое место. Он звал монахов выйти, обещав им ничего плохого не чинить. «Отцы же веру ямше (поверив) изыдоша на сретение с честными кресты и со святыми иконами. Сей же, забыв обещание, преступи и клятву». Жестоко расправился Мещеринов с монахами. Были убиты архимандрит, сотник, монахи, оборонявшие крепость, казаки. Казнь всем была суровая. Стрельцы Мещеринова полностью разграбили монастырь, а находилось в то время в казне тридцать тысяч серебром и медью. Впоследствии за разбой и грабеж Мещеринов был судим и сослан кончать свои дни в тот же Соловецкий монастырь.

Разгром Соловецкого восстания вызвал новые притеснения и новые стихийные волнения в Поморье, продолжавшиеся более десяти лет. К тому же надо добавить неурожай, пожары, и станет ясно, в каком бедственном положении находилось население Беломорья. И хотя соловецкие раскольники были уничтожены, раскол в северных краях не был ликвидирован. Через два десятка лет после Соловецких событий на реке Выг возник новый раскольничий мо-

настырь – Выговская пустынь, в котором находилось до пятисот монахов. Кроме того, много раскольников укрывалось в суземах, необитаемых глухих лесных дебрях.

Соловецкий монастырь был не только проповедником христианства, но и государственной тюрьмой, местом заключения врагов самодержавия, крепостничества и церкви. Обязанности палача он выполнял около четырехсот лет, с 50-х годов XVI до конца XIX века. Монастырская тюрьма на Соловках была самой древней, самой строгой, самой вместительной из всех монастырских тюрем. Она занимала исключительное по своему положению место. Это была секретная темница: сами цари направляли сюда опасных врагов своей власти. По жестокости режим Соловецкого острога не имел себе равных. В земляных ямах, крепостных казематах гноили, доводили до умопомешательства узников, список которых составляет свыше четырехсот человек. По своему внешнему виду Соловецкий монастырь напоминает Шлиссельбургскую и Петропавловскую крепости, но находился он на краю света, на острове, который две трети года окружен льдами и вовсе отрезан от мира.

До конца XVIII века в монастыре не было специального тюремного помещения. Сначала местом заточения быта каменные мешки – ниши, сделанные в стене внутри башен для снарядов и пороха. Монастырские монахи превратили их в казематы. Они имели от двух до четырех аршин длины, от 1,5 до 3-х аршин высоты. Некоторые из них были так малы, что узник вынужден был спать в полусогнутом состоянии. В стене имелось одно окошечко с тремя рамами и двумя металлическими решетками, в камере было сыро, темно и холодно. Многих узников бросали в казематы скованными по рукам и ногам, с вырванными ноздрями и языками, иных приковывали к стене. Попавший в эту тюрьму погибал для общества и забывался миром. О нем никто ничего не мог узнать, никто не видел его слез, не слышал стонов и проклятий. Узникам Соловков не разрешалось подавать жалоб и прошений, на них не распространялась «милость» царей.

Помимо каменных мешков имелись земляные тюрьмы. Земляная тюрьма представляла собой вырытую в земле яму глубиной до двух метров, обложенную по стенам кирпичом и покрытую сверху дощатым настилом. Заключение в такую тюрьму значило присуждение к смертной казни. Узники земляных тюрем не видели

солнца, не отличали дня и ночи, теряли счет времени. Такие тюрьмы существовали до 1758 года. В Соловецкую тюрьму ссылали «за велико важную вину», «за злодейственные поступки», «за непристойные его монашескому чину непорядочные поступки», «за явное его с женским полом грехопадение», «за раскол», и т.д. Как правило, ссылали в Соловецкий монастырь бессрочно, «до кончины живота», «навечно», «до исправления». Некоторые маялись в казематах по 15–25 лет и даже по 40.

Кроме узников, тут были люди «для строгого смирения». К каждому из них прикреплялся инок, он исправлял пороки подопечного и следил, чтобы тот не убежал из монастыря. Колодники и ссыльные не ели хлеб даром, их заставляли работать на самых опасных и тяжелых работах. Монастырь больше походил на крепость и тюрьму, чем на храм божий. По ночам ходили караулы. Особенно строго было в летнее время, когда приезжали богомольцы. Настоятель боялся, чтобы колодники не учинили бунт и не убежали с острова. Весной 1774 года на остров просочилось известие о крестьянской войне 1773–1775 годов, начались разговоры о Пугачеве. Слежка и охрана узников усилилась.

Первым узником соловецкой тюрьмы был игумен Троицкого монастыря Артемий, высланный «на смирение» в 1554 году, обвиненный в еретическом вольномыслии. Через четыре года сюда был заточен советник Ивана Грозного протопоп Сильвестр. При царе Федоре – Авраамий Палицын. Шесть лет в соловецкой ссылке пребывал сам «царь всея Руси» Семеон Бекбулатович – татарский царевич, хан города Касимова. За усердную службу царь разделил свою власть, сделав крещеного татарина царем всей Руси, сохранив за собой власть князя Московского. После смерти Ивана Грозного Семеон был пострижен в монахи, а 29 мая 1606 года Василий Шуйский приказал упрятать его в Соловецкий монастырь.

В ряду некогда великих и сильных, закончивших свою жизнь в Соловках, был Петр Андреевич Толстой, любимец Петра I, его ближайший сотрудник, сенатор, тот самый Толстой, который вывез из Италии царевича Алексея. До своего падения Толстой сам выдавал бумаги, по которым калечили, убивали, ссылали. В 1727 году было «велено Петра Толстого за многие его вины, лиша всех чинов и чести, послать в ссылку в Соловецким монастырь и с ним сына его Ивана». Причина ссылки Толстого и сына – борьба против

восшествия на престол Петра II. Еще один сподвижник Петра, Василий Долгорукий, испытал арестантское житье на Соловках. «Жестокое государственное преступление», за которое он поплатился заточением, состояло в том, что он заставил злую и малообразованную Анну Иоановну подписать кондиции, ограничивающие власть императрицы Верховным Тайным Советом. Он был посажен в тот каземат, в котором сидели Толстые. В 1739 году следователи Бирона выявили новые «преступления» Долгорукого, его повторно судили и казнили.

Первые заключенные украинцы появляются в соловецкой тюрьме в XVIII веке. Одним из них был Захар Патока, его приговор гласил: «...вместо смертной казни вырезать язык и сослать в заточение навечно». В заточении в Соловецкой крепости был последний атаман Запорожской Сечи Петр Кальнишевский. Это храбрый воин, он доблестно сражался против крымских татар и турок в войне 1768–1774 года, был награжден высшими наградами России. 7 июня 1775 года Сечь Запорожская была разгромлена, а Кальнишевский, писарь и судья были арестованы и исчезли. Только спустя сто лет, в 1862 году, русский историк-народник П.С. Ефименко, находясь в ссылке в Ворзогорах, случайно узнал от крестьян этой деревни, что в конце XVIII века в Соловецком монастыре был заточен какой-то кошевой атаман. Крестьяне рассказали, что атамана казаков выводили из камеры лишь три раза в году: на Пасху, Преображение и Рождество. В 1801 году ему, слепому, было даровано «прощение». Тогда ему было 110 лет.

В Соловецком монастыре содержался узник, о котором долгое время ничего не знали – ни фамилии, ни возраста, ни вины его. Только в 1781 году стал известен псевдоним узника – «бывший Пушкин». Он был заключен в «покой» под номером 19. Была составлена специальная инструкция по содержанию «бывшего Пушкина». Было приказано запереть его, никого не пускать к нему и не выпускать никуда. Теперь удалось установить, что «зашифрованный узник» был капитан Сергей Пушкин, приговоренный в 1772 году на «вечное заключение за приготовление инструмента для делания подложных банковских ассигнаций». Сергей Пушкин – прадед А.С. Пушкина по отцовской линии, и, как установлено, политический заключенный.

Соловецкий монастырь сыграл печальную роль не только в истории освободительного движения, но и религиозного. Он выполнял роль центральной тюрьмы Синода. Ни один «нераскаявшийся еретик» не вернулся с далекого беломорского острова. Сотни могил раскольников находились на особом кладбище, где хоронили богоотступников. Афанасий Белокопытов – раскольничий проповедник; нижегородец Григорий Дружинин, тоже раскольник, которого надлежало «лишить живота», избежавший этого наказания ввиду помешательства – закончили жизнь в застенках Соловков.

В 1798 году под острог был приспособлен первый этаж иконойной палаты. Сейчас стало известно, что царь хотел заточить в эти мешки декабристов. Но летом 1826 года их стали отправлять в Сибирь и надобность в Соловках отпала, но работа по перестройке продолжалась. Было оборудовано 26 камер, а в 1837 году здание расширили за счет коридоров и комнат, которые занимала охрана. Побывавший в тюрьме на Соловках В.Я. Немирович-Данченко писал: «Эта сырая, каменная масса внутри сырой каменной стены переносит на несколько веков назад».

В XIX веке, как и в XVIII, на Соловки ссылали без указания срока или «навечно». Есаул войска донского Евлампий Котельников просидел в остроге 28 лет, столько же – бывший игумен Израиль; Антон Дмитриев, крестьянин, «за оскорбление своего господина» – 58 лет. Но и это не рекорд. Крестьянин Вятской губернии Семен Шубин, «вечный узник», просидел в соловецкой тюрьме 63 года – с 1812 по 1875 год. Сидел он за старообрядчество. Побывали в Соловецкой тюрьме и дети. В июне 1829 года сюда был заключен десятилетний казачий сын Иван Панасенко, в 1814 году был сослан в монастырь одиннадцатилетний грузинский мальчик Симонике Ломатадзе за участие в убийстве помещика.

Первыми узниками Соловецкого монастыря за революционную деятельность были братья Критские, продолжатели дела декабристов. В числе заключенных на Соловках находился декабрист А.С. Горожанский. Он просидел в одиночке более пятнадцати лет, умер в 1846 году. Последними политическими узниками были двое молодых петербургских рабочих – Яков Потапов и Матвей Григорьев. Они подверглись аресту за участие в демонстрации в декабре 1876 года на площади у Казанского вокзала.

Нелегкое житье было на Соловках, а тем более для узников: на многие месяцы остров отрезан от суши. Потому-то выбрано это место было для ссылки особо важных преступников. Всего два в России было таких монастыря-тюрьмы: Соловецкий и Спасо-Ефимьев в Суздале. Бежать из Соловков было бессмысленно. С.В. Максимов, посетивший Соловки, писал: «Побег невозможен в данном монастыре, при постоянном движении многочисленной братии, при крепких затворах, страже, живущей бок о бок с самими казематами, при развитом до совершенства шпионаже». В истории соловецкой тюрьмы известно несколько побегов, закончившихся неудачно.

В монастыре были не только монахи и узники, но и ратные люди, ведь монастырь находился по соседству с землей Свейской и Каянской, а оттуда можно было всегда ждать нападения. Еще в 1571 году на монастырь напали шведы, но неудачно, после чего на остров был послан воевода Озеров со стрельцами и пушками. В 1592 году соловецкие бойцы разбили «заморских немцев», в 1596 году ходили в «Каянскую страну» и опустошили ее. В 1611 году шведы снова нападали на монастырь и его волости, но были отражены. В 1613–1615 годах «воры» разоряли монастырские волости, требовали сдачи Сумского острога, но получили отпор. Соловецкая рать росла и в 1621 году на острове находилось свыше тысячи стрельцов, не считая охраны Сумского, Кемского острогов, Холмогор, Архангельска, Онеги. Последнее нападение на Соловки произошло в 1854 году, когда английские военные суда «Бригс» и «Миранда» вели огонь по монастырю из тридцати пяти пушек в течении тринадцати часов. До 1885 года в монастыре постоянно находилась военная команда с офицером, а архимандрит считался одновременно комендантом крепости.

Около четырех веков Соловецкий монастырь был местом страданий борцов за свои политические и религиозные убеждения. Секретная политическая тюрьма Соловецкого монастыря просуществовала до начала XX века, осенью 1903 года она была ликвидирована. Каменный корпус тюрьмы был передан под больницу для монахов и богомольцев, а во флигеле, где размещалась конвойная команда, устроили аптеку и квартиры для врачей и фельдшеров.

Монастырь просуществовал около пятисот лет. Он был закрыт в 1923 году, при Советской власти. За это время в нем немало

побывало выдающихся личностей Российского государства: писателей, художников, государственных деятелей, географов, мореходов, которые оставили описание жизни и деятельности монастыря. Всех, кто побывал на острове, интересовала хозяйственная деятельность, преобразовавшая некогда необитаемый северный остров. Все они задавали себе один и тот же вопрос: «Как могло получаться, что люди, ушедшие «от мира» и всех его соблазнов, становились хозяевами и эксплуататорами целого края и вели торговлю и ростовщическую деятельность? Видимо, и монастырские каменные стены не были спасением от хозяйственных забот мира сего».

Ярко и достоверно описал Соловки известный нам писатель С.В. Максимов в книге «Год на Севере», В.И. Немирович-Данченко в книге «Соловки», М.М. Пришвин в книге «За волшебным колобком». В 1917 году на Соловках побывал Сергей Есенин и написал стихотворение: «Небо ли такое белое», в котором донельзя точно описал Белое море.

Небо ли такое белое,
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Вот еще один куплет из его стихотворений, подтверждающий мою мысль:

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку,
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

В советское время, в 1929 году, на Соловках был Максим Горький. Тогда на островах размещался СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

Сейчас Соловки – большей туристский центр. Сюда едут со всех концов страны, чтобы посмотреть «остров чудес», чудокремль, полюбоваться природой. И сбываются слова М.М. Пришвина: «В будущем доктора не станут посылать всех на южные воды и виноград, а в ту среду, где человеку все понятно, близко и мило».

В СУЗЕМАХ

В январе 1677 года царские войска захватили раскольничий Соловецкий монастырь. Виновники восстания были жестоко наказаны. Ужас и трепет охватил Беломорье, многие губернии Севера – ведь Соловки для верующих были святым местом.

После соловецких событий гонения на раскольников усилились. Правительство издало указ: всех нераскаявшихся жечь в срубках, посылало многочисленные карательные экспедиции для борьбы со староверами. Тем, кто отказывался переходить в новую веру, вкладывали в рот кляп, причащали силой, обращая в новую веру. Сотни и тысячи приверженцев старой веры, боясь кары правительства, бежали с насиженных мест и устраивали жизнь по старым законам: молились двумя перстами, не признавали царских законов, исповедовались у старцев, крестили детей сами. Селились в суземах, рубили лес, жгли его и, раскопав землю копорюгами, сеяли хлеб, картошку, ловили рыбу.

Суземок – это дикий лес без конца и края, бездонные озера с вплотную подступившими к воде деревьями, моховыми болотами, через которые, казалось, никому не перебраться, речки и ручьи, пронсящиеся по каменистому руслу. Суземок предохранял от новой веры и тяжких петровских реформ. По лесам и болотам, от избышки к избышке, от селения к селению пролегали дорожки и тропы. Все они сходились на верхнем Выге, там, где впадает в него речка Сосновка. Были секты (поселения) на Топозере, Пертозере, вблизи Сумпосада. Раскольники жили недалеко друг от друга, встречались, вместе молились.

В один из зимних дней собрались Даниил Викулов – шуныгский дьячок, соvrращенный в раскол соловецким монахом Игнатием,

молодой Андрей Денисов с братом Семионом и Петр Прокопьев, помолились и решили организовать общежительство. «Тут нам жить: мы поселимся, а возле нас со временем соберутся хорошие люди». Произошло это в 1694 году.

Сначала монастырь был невелик. Построили один дом, а в нем организовали столовую и хлебную. Мужчины жили в столовой, а женщины в хлебной, разделяясь занавеской. К тому времени собралось около сорока человек. Слух о новой обители быстро распространялся и люди стали подходить.

Шли годы, но выговцев не тревожили ни воинские команды, ни указы Петра. По отношению к последним правителям Руси – Алексею, Федору, Софье – Петр Первый как бы сам был слушателем, указы и действия царя тому свидетельство. Не разобравшись поначалу, как следует относиться к новому царю, раскольники подняли шум о «царе-антихристе». Говорили, что царь «вконец продан чужеземцам», приказал носить «кургузое немецкое платье», стрижет бороды боярам, сам казнит преступников, а деньги переплавил, отчего они стали фальшивые, к тому же царь тянет «дьявольское зелье, от святых отцов проклятое», в пост ест скоромное. «У царя ведь ноги-то коровьи, а щеки бритые, как у кота... Царь мечется, как бешенная собака, да головой все вертит». Повсюду раздавалось: «Нельзя молиться за царя-ирода».

Из старцев-проповедников старой веры особенно славился Игнатий Соловецкий. Он бросил вызов существующей социальной системе, поняв ее как господство антихриста. Начались массовые самоожжения. В конце XVII века тысячи людей шли в огонь за такими как Игнатий, шли добровольно. В 1693 году в деревне Строкиной Пудожского погоста «сгорели без остатку 800 человек», в 1685 году в Палеостровском «в том нашем монастыре... – пишет летописец, – мужеска и женска полу с 2000 человек. И те все достальные раскольники, дождався служилых людей (солдат), и не пуская себя поймать, закрылися в монастырскую церковь, и в трапезу, и в трапезе сгорели все без остатку». Можно только гадать, каким гипнотическим даром воздействия на массы обладали расколуучители времен Аввакума. «Раскольничьи самоожжения в свое время были такими же геройскими подвигами, какими бы считали теперь решимость защитников отечества лучше погибнуть в крепости, взорвав ее на воздух, чем сдаться неприятелю», – писал в 1871 году академик Н.И. Костомаров.

Выговские раскольники скоро поняли, что курс Петра по отношению к ним – веротерпимость. И действительно, для периода

Выгореции характерна идея диалога с окружающим миром при полном сохранении раскольничьих общин.

Действия Петра не были случайными. Они учитывали прошлое, настоящее и будущее. Петр искал такую систему управления, которая соответствовала бы размаху его экономических начинаний. Завод, мануфактура, верфь – с этими понятиями связывал он будущее России, подключая раскольников Беломорья и Карелии.

Северное Беломорье находилось на краю России, тем не менее жители этого края непосредственно ощущали смену ведущих тенденций в развитии феодального строя. Волею Петра Карелия и Беломорье стали территориальной, военной и экономической базой России в борьбе за выход к Балтийскому морю, а веротерпимость к Выгореции диктовалась ее участием в работах ради будущего русского государства. Немалую роль в этом сыграла личная склонность царя к религиозной умеренности. Петр говорил: «с противниками церкви нужно с кротостью и разумом поступать, а не так как иные – жестокими словами и отчуждением». А вот еще одно суждение царя о раскольниках: «Когда нельзя их обратить от суеверия рассудком, то, конечно, не пособят ни огонь, ни меч; а мучениками быть за глупость – ни они той чести не достойны, ни государство от того пользы иметь не будет». Поэтому вполне естественно, что уже в 1702 году появляется социальный указ о нежелании царя «совести человеческой приневоливать». Тогда же в 1702 году «Осударева дорога» скрестилась с путями, ведущими в Выгорецию.

«Осударева дорога» проходила очень недалеко от того места, где жили выгорецкие пустынники. Великий ужас напал на староверов, когда прошел слух, что сам царь-антихрист с сыном, войском, с большим народом и с кораблями приближается к обители. Многие староверы бросились к прежним приемам борьбы: натащили из лесу смолья, заложили его в деревянные строения, чтобы не сдаться живыми, сгореть вместе с нажитым добром.

К тому времени Андрей Денисов был заметной фигурой в монастыре. Он был встревожен приближением царева войска и готовящимся «огненным крещением», был противником самосожжения и понимал, какая опасность нависла над монастырем. Если царь заберет годных людей, запасы продовольствия и деньги, для раскольников это будет равноценно гибели общины. И он решил отправиться встречать царя. Ночью двое облаченных в странническую

одежду, Андрей и Симеон Денисовы, с берестяными кошельками и посохами вышли из ворот обители. Приближенные доложили царю, что совсем недалеко, на Выгу, живут раскольники собственным маленьким государством, богатеют, торгуют, пишут книги, проповедуют старую веру, а за царя не молятся. Петр расспрашивал об устройстве общины, а что «богу за царя не молятся» пропустил мимо ушей.

– А подати платят? – спросил царь.

– Подати платят, народ трудолюбивый! – отвечали ему.

– Пускай живут, – сказал Петр.

Во время дневного привала появились в лагере Петра Андрей и Симеон. В походном шатре состоялась беседа царя с раскольниками. После этого Выгореция получила право на существование. О пребывании царя в выговских местах и об отношении к раскольникам выгорецкий историк Иван Филиппов писал: «И проехал мирно, яко отец отечества благоутробнейший».

Но царь не забыл о раскольниках. Через некоторое время в Повенец приехал Меншиков «заводы ставити». Царева грамота гласила: «Слышно его императорскому величеству, что живут для староверства, разных городов собравшиеся, в Выговской пустыне, а ныне его величеству для шведской войны и для умножения оружия ставити два железных завода, а один близ их Выговской пустыни, и чтоб оныя в работе повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своей, и за что императорское величество дает им свободу жить в той пустыньке и по старопечатным книгам службы свои к богу отправляти».

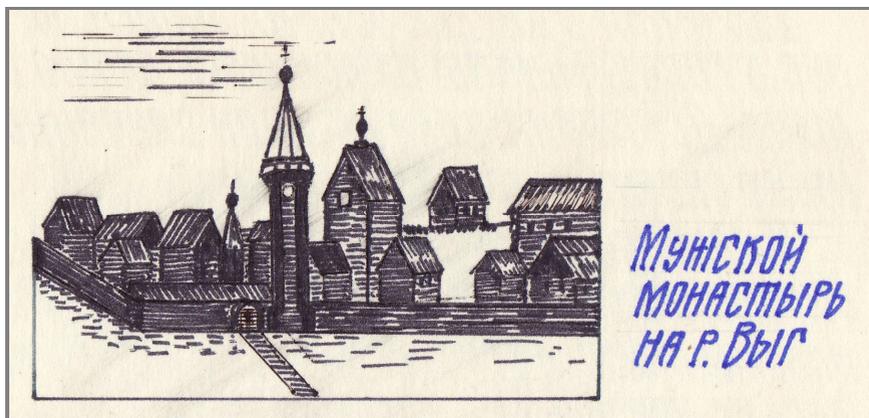
После встречи с Петром авторитет Андрея Денисова значительно возрос. Выговцы избрали его киновиархом (руководителем) Выгореции. Был он лично известен Петру Алексеевичу как хороший горный мастер. Отличались завидным трудолюбием и рядовые раскольники. Повинность работать на заводах являлась не игом, а льготой, выговцев рассматривали как серьезных партнеров. «По преданиям раскольников, Петр Великий при удобном случае сам входил в собеседование с ними и вступал в споры или держал их сторону», писал Е.В. Барсов, фольклорист и специалист по истории поморского раскола.

Строительство железоделательных заводов развивалось бурными темпами, стягивая к себе население всей округи. Выгоре-

ция для Петербурга была источником дешевой, дисциплинированной и, в перспективе, квалифицированной рабочей силы. Петр, превосходно информированный об этом, мог спокойно инспектировать Олонецкие заводы, чтобы затем отдохнуть от забот на своих Марциальных водах. «Даниил и Андрей по совету с братьями... всегда посылающе своих посланных с письмами и с гостинцами к его императорскому величеству, с живыми и стреляными оленями и со птицами; ово коней серых пару, а ово быков больших подгнаша ему, и являхуся и писма подоваху. И императорское величество все у них милостиво и весело принимаше и писма их вслух всем читаше».

Из всех раскольничьих общин Выгорецкая пользовалась наибольшими привилегиями, видимо, не случайно. Петровские заводы были единственным местом, которое снабжало армию Петра пушками и снарядами во время войны с Карлом. Отношение власти к Выгореции складывались на законодательной, почти государственно-правовой основе. 7 мая 1705 года по приказу А.Д. Меншикова был подписан документ, дарующий Выгорецким жителям «широкую автономию».

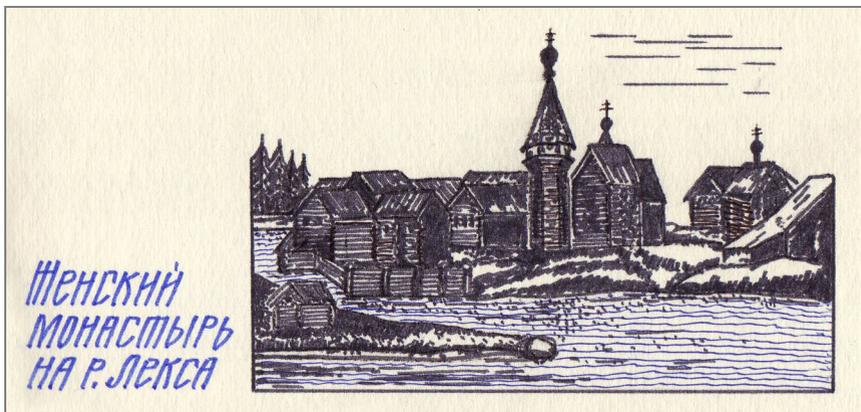
Почти полная независимость общины от местных властей — еще одно проявление курса столичных властей. Результаты такого отношения не заставили себя долго ждать. Выгореция сумела эффективно использовать предоставленные ей льготы. Монастырь стал быстро расти. В 1706 году монахи решили построить отдельный скит для женщин в 30 верстах от Данилова на реке Лексе.

Кельи, столовую, больницу, часовню обнесли оградой. При монастыре был построен коровник, мельница, маслобойня, молочная, челядная, портомойная. В женском монастыре стали процветать выгорецкие тонкие изделия, северное искусство: вышивка, кружево. В мужском братья Денисовы сочиняли свои знаменитые «Поморские ответы», ходившие по рукам на севере и юге, вплоть до Киева. Так на Севере вместо разгромленного Соловецкого монастыря появился новый – Выговская раскольничья пустынь. Историк Выгореции Иван Филиппов по этому поводу писал: «Малая сия речка истекла из источника великой Соловецкой обители».

Жизнь у выговцев первоначально не ладилась, как бы они ни старались. Повторялись зяблые и неурожайные годы, приходилось жить впроголодь, иногда питались мхом и корой. Монахи стали искать другое место, осмотрели все Беломорье, ездили на Мезень и в Сибирь. Нашли более подходящее место около Каргополя, купили его с торгов. Но переселиться туда им не разрешили и они стали посылать трудников на время полевых работ.

Бывая на юге, они узнали, что там много хлеба и он дешевле, чем на севере. Закупили суда и стали скупать хлеб в Поволжье и возить продавать его в строящийся Петербург. В то время, при полном бездорожье, деятельность монастыря была очень кстати. Раскольники проложили дороги на юг и север, построили мосты, пристани. От Данилова шла дорога на Лексу, на Водлозеро, к Онежскому озеру и к Белому морю, через Пулозеро, Сумозеро, Топозеро – в Сумский Посад.

Данилов стал богатеть, скопился капитал, появились запасы хлеба. Он превратился в небольшой городок, в нем было несколько сот жителей, кроме монахов. Две высокие часовни с колокольной возвышались среди множества двух и трехэтажных построек. Тут была пятьдесят одна изба с кельями, каждая на десять человек, шестнадцать меньших изб, пятнадцать амбаров, погреба, две большие поварни, двенадцать сараев, четыре конных двора и четыре коровьих, гостиный двор и пять постоянных изб, пять риг, две кузницы, меднолитейная, смолокурня, портняжная, сапожная, иконописная, рукодельная, две школы и две больницы, мельница, кирпичные заводы. Вокруг монастыря были разбросаны многочисленные скиты и пашенные дворы, в которых жили семейные.

Во всех важных случаях представители монастыря и скитов собирались вместе, исполнительная власть принадлежала Данилову. Во главе общины стоял киновиарх или большак. Выбирался он из выдающихся раскольников. Сначала им был Даниил Викулов, потом Андрей и Симеон Денисовы. Киновиарх был подчинен Собору, т.е. общему собранию даниловцев и представителей Лексы.

Из всех вождей монастыря наиболее выдающимся был Андрей Денисов, который сочетал удивительно разнообразные способности. Он был блестящий оратор, ученый богослов, писатель, торговец. Когда монастырь встал на ноги, он под видом купца проник в киевскую Академию и там обучался богословию, риторике, логике, проповедничеству. Свои знания Андрей передал брату Симеону и другим ближайшим лицам. Андреем написано множество сочинений на богословскую тему, он является автором знаменитых «Поморских ответов». Организаторский талант руководителей общины создал славу и мощь Выгореции – к такому выводу приходят многие исследователи раскола. Действительно, роль руководства общины была велика. Потому и удостоился Андрей Денисов чести быть изображенным на иконописных портретах. Самый правдивый портрет его – Выгореция, один из крупнейших центров экономики и культуры петровской и послепетровской Руси.

Выдающийся руководитель и организатор Выговской пустыньки Андрей Денисов вырос в Повенце. Отсюда отправлялись карательные экспедиции, здесь истязали пойманных раскольников. Уйдя из дома, он долго скитался по лесу, пока не нашел удобное место на Выге. Там он сошелся со старцами-раскольниками. Когда

организовали монастырь, Андрей призвал на помощь брата Симеона и сестру Соломонию, и они уже через несколько лет «подняли на Выгу большое хозяйство». Даже зяблые годы не погубили обитель: Денисовы послали ходоков в другие места к раскольникам, и выговцам была оказана помощь. Даровитое семейство крестьянина Дениса, совершившее религиозный подвиг, было потомками новгородских князей Мышецких. Княжеское происхождение Андрея, Симеона и Соломонии Денисовых – факт несомненный для потомков, но тщательно скрывавшийся от современников, ибо Петр не терпел оппозиции со стороны людей родовитых, а братья Денисовы стояли во главе религиозного инакомыслия. Выдающиеся способности выделяли Андрея среди других. Очевидцы свидетельствовали, что один из чиновников, восхищенный суждениями Андрея, воскликнул: «Если бы ты, Андрей Дионисьевич, был согласен с великороссийской церковью, то подлинно быть бы тебе патриархом». Конечно, православный чиновник не мог дать более высокой аттестации руководителю раскола, но раскольническая традиция ставила его несравненно выше.

Кроме киновиарха (большака) в руководстве общины были келарь, казначей, нарядник и городничий. Келарь заведовал внутренним хозяйством общины, он должен был наблюдать четыре службы: трапезную, хлебную, поварную и больничную. Казначеем поручено было беречь и смотреть за имуществом общины. В кожевнях, чеботной и портной, в медной и других мастерских он наблюдал за работой монахов. В помощь ему в каждой мастерской были старосты. Наряднику подчинены были земледелие, плотничество, рыболовство, кузнечное дело, извоз, молочение, мельницы, скотные двory, домовая работа и работные люди. Городничий вел надзор за сторожами, за гостинными дворами в ограде и вне ее, наблюдение за уходящими и приходящими странниками, присмотр за братией при часовенных дворах, во время книжного чтения, в кельях и при трапезе. Кроме этих должностей, были стряпчие для сношения с официальным миром на Петровских заводах, в Олонце, Новгороде, Москве, Петербурге.

Вместе с развитием хозяйства развивалось и духовное просвещение братии. В этом отношении, как и в остальном, общежитие обязано все тем же выдающимся личностям, которых историк характеризует так: «Даниил – золотое правило христова кротости, Петр

– устава церковного бодное око, Андрей – мудрости многоценное сокровище, Симеон – сладковещательная ластовица и немолчные богословские уста».

Многие ремесленные мастерские на Выге служили просветительным целям. Литейщики, иконописцы, переписчики книг обеспечивали своими изделиями не только собственную братию, но и всех староверов России. О расширении кругозора общинников ревностно заботился сам настоятель – Андрей Денисов, ездивший по монастырям России «промышляше книги, а иные списываше». Сохранившийся каталог выговской библиотеки включает сотни названий – сотни томов своеобразной энциклопедии, «охватывающей все отрасли знаний. Тут были сочинения средневекового философа-мистика Луллия, отредактированные и приведенные в удобочитаемый вид самим киновиархом Андреем Денисовым, произведения отцов церкви Иоанна Златоуста, Августина Блаженного, Амвросия Медноланского. Стихотворения Ломоносова соседствовали с Кораном. Были сочинения древнерусских авторов – Андрея Курбского, Кирилла Туровского. В то время редкая библиотека могла похвастаться такими сокровищами. Но наибольший интерес представляют произведения писателей самой Выгореции, и прежде всего Андрея Денисова, продолжившего литературную линию Аввакума. Его «Письма из Москвы» можно рассматривать как образцы орнаментально-ритмической прозы: «В день тот внезапно, яко вода, воскинеша московстии народи: улицы востопташася, слободы пролияшася, переулки протекоша...»

Хозяйственное развитие Выгореции, приспособление ее к существовавшим порядкам давалось нелегко. В 1711 году выговцы – «Андрей Денисов со товарищи» – били челом Петру Первому, что «когда посылаются от них в уезд и на море и в города, то им чинятся от всяких чинов, а паче от духовного, обиды и к вере их помешательство; также проезжие всякие люди заезжают к ним с больших дорог в сторону и берут подводы, отчего им чинится немалое разорение». После этого Меншиков указом от своего имени объявил: «По Санкт-Петербургской губернии всем вообще, как духовного, так и светского чину людям и кому сей указ надлежит ведать, дабы впредь никто вышеупомянутым общежителям Андрею Денисову со товарищи и посланным от них обид и утеснения, в вере помешательства отнюдь не чинити под опасением жестокого истязания».

Из этого видно, что петровская администрация взяла под свое покровительство выговскую раскольничью общину.

Политический крузор Андрея Денисова порой совпадал с мнениями Петра. Характерны патриотические проповеди Андрея Денисова. Так во время войны с турками он писал: «О благословенная владычицы, укрепи мышцы самодержавного нашего монарха на сих лютейших трусов, помози, заступниче, победиша оного прескверного разорителя всего человеческого рода» (имелся в виду турецкий султан). По поводу победы Петра над шведами он писал: «Общежители, скитяне, вертепники и безмолвники соединились в общей радости... о благополучии государском веселятся, о счастливой царской радости утешаются».

Жить с Петром, Меншиковым и их «дружиной» было куда сподручнее, чем с Синодом и всей церковной иерархией. Линия Священного Синода, начавшаяся с самых лютых гонений, продолжалась и в новых условиях – при Петре и его преемниках. Выгоревшая не случайно стала камнем преткновения между Синодом и правительствующим Сенатом. Для церковных иерархов преследование раскольников было своего рода отдушиной. Не будучи в состоянии воспрепятствовать переменам в государстве и обществе, консерваторы уцепились за религию, почитая ее своей областью.

При Петре православная церковь была уже не та: она свертывала притязания недавних лет, подчинялась принципу государственной выгоды, и вскоре оказалась в полной зависимости от Петра Первого. Царь не жаловал церковь, что создавало почву для контактов со староверами, столько лет страдавших от церковных преследований. Именно при Петре власть и раскол перешли от взаимной анафемы к диалогу. Нередко происходило прямое словесное состязание православного священнослужителя со староверами. Такие турниры-диалоги в то время назывались «разглагольствиями».

Крупное «разглагольствие» состоялось в 1723 году на Петровских заводах в присутствии властей и заводских жителей между представителями выговцев и посланцем Синода иеромонахом Неофитом. Подробные инструкции, полученные Неофитом от Петра, сдерживали синодальное рвение миссионера, но он старался обойти их. В инструкции говорилось: «Святейший Синод не намерен ни коим образом оных раскольников удерживать и озлоблять, но с усердием требует свободного от противности с ними разглагольст-

вия». От гражданских властей требовалось беспристрастное невмешательство в дела разглагольствующих. Указания для проведения разглагольствия были написаны на языке веротерпимости: раскольников «к скорому ответу не принуждать, а дать справиться с книгами; с упорными и непокорными никакой жестокости не употреблять и свободы их не пресекать». Какой поразительный факт! В России XVIII века свободу личности, слова, собраний даровали тем, кого совсем недавно, при Алексее Михайловиче и Софье, лишали жизни и свободы.

Прибыв на олонецкие Петровские заводы, Неофит объявил, что 22 апреля 1722 года «его императорское величество Петр I, будучи в Преображенском, издал указ о направлении к староверам, живущим в Олонецком уезде, духовного лица из Синода для разглагольствия о происходящем церковном несогласии и для немедленного увещевания», для чего он и послан с указом и книгами. Неофит написал 106 вопросов, адресованных выговцам. «Посланные подьячие с указом и с вопросами прибыли к нам в Выгорецкое общежительство в первых числах декабря», – рассказывает выговский летописец Иван Филиппов. С ответами представителям выговцев нужно было явиться в том же «декабре в конце месяца, а за неявку, писал Неофит, повинными быть гражданской казни или покориться их церкви и протчая». Призванный к свободному разглагольствию, он понимал лишь язык репрессий. Лишенный возможности жечь и пытать, он демонстрировал рвение приказного дьяка, склонного к злоупотреблению своей властью и полномочиями.

Раскольники решили принять вызов и выдвинуть свои условия. Появились «Поморские ответы» на 900 страницах, получившие значение святого писания для русских раскольников. Сделал это Андрей Денисов, который «сам все пишет», но рассматривал написанное с братом Симеоном и Трифоном Петровым.

2 февраля 1723 года в присутствии местных гражданских властей, духовенства и простого народа началось «разглагольствие». Пришли представители Выгореции Мануил Петров и Иван Акиндинов. Они продемонстрировали мужество, выдержку, эрудицию, волю к победе, превосходство, как моральное, так и интеллектуальное, над посланцем Синода. Во время полемики несостоятельность и необоснованность суждений Неофита была столь заметна, что «многие слушатели разглагольствия сего расходились».

Мануил и Иван отбыли на Выг. Но Неофит на этом не успокоился и было назначено новое «разглагольствие». 28 июня в канцелярию Петровских заводов явились представители Выгореции с книгами «Поморских ответов». В это время на заводах был обергофмейстер его императорского величества Василий Дмитриевич Олсуфьев. Олсуфьев обещал передать «Ответы» непосредственно Петру I, минуя Синод. Большое разглагольствование было назначено на сентябрь, и 4 сентября на квартире иеромонаха состоялось процедурное заседание. Прослушав указ и пункты, участники заседания разошлись.

5 сентября 1723 года в 4 часа пополудни загремели барабаны по всем Петровским заводам, возвещавшие о большом разглагольствовании. Иеромонах явился с тетрадами, в которых были комментарии ответов и стал читать. «Мануил и Иван возопиша ко учителю (Неофиту): благоволи по указу праведное творить... изволь прочесть отдельно каждый ответ и на него чти свое возобличение». Неофит же, прочитав первый вопрос, не прочитал ответа выговцев, а процитировал фрагменты четвертого ответа. На возражения выговцев кричал и говорить запретил. Но Мануил и Иван продолжали возражать». В споре о двухперстном или трехперстном сложении Неофит запутался, а Иван и Мануил почувствовали себя хозяевами положения. Вскоре «разглагольствие» закончилось. «И от такого его проискания был он всем горек», – писал Филиппов. На Неофита была написана челобитная, что «оный учитель иеромонах Неофит поступает не по указам и не по пунктам, как ему из Синода приказано, многие напрасные и неправедные обиды и нападки творит многим людям», – свидетельствует летописец. Челобитная была послана в Сенат. Вскоре на имя Неофита пришло предписание из Синода. Но иеромонах от этого мало изменился, пишет Филиппов. Спустя некоторое время он умер на Петровских заводах, и все его коварство исчезло вместе с ним.

Но коварство Синода не кончилось. Уже с 1725 года, после смерти Петра, лозунг веротерпимости подвергся пересмотру. Инициативу в этом деле взял на себя преосвященный Феофилакт. Он потребовал на указы крепостнического содержания таких мер, выполнение которых означало разрыв с религиозно-церковной политикой Петра. Церковники жаждали искупительной жертвы, которой стала бы Выгореция – «лжецерковная схизматическая община».

Предложения Феофилакта сводились к следующему: «Уничтожить самое гнездо выгорецкого раскола, разделив по разным местам его жителей, большею частью бежавших из разных городов и селений. Этой мерой, с одной стороны, раскол лишался главной поддержки, заключавшейся при большом числе раскольников в его сосредоточенности на одном месте, и должен был слабеть от собственного разделения; с другой стороны раскольники, быв разделены по разным местам, где они жили прежде, могли бы всегда находиться под надзором священников и начальства, чем по меньшей мере должно бы пресекаться распространение раскола».

Многочисленные «писания», направленные в Сенат из Синода и имевшие своей целью всяческое притеснение выговцев, правительством Екатерины I игнорировались. На них даже не отвечали. Проводя политику Петра, Екатерина I совместно с Меншиковым по просьбе выговцев освободила их от двойного подушного оклада и заменила прежней необременительной повинностью – работами на железодельных заводах. Но не везде и не всегда так было. Гонения на раскольников усиливались. Богослужения им приходилось совершать с опаской, по ночам, тайком расходиться по домам, пряча книги и образа. Об этом писал более близкий к нам историк Выгореции – Павел Любопытный.

Во время засилья иноземцев, при Анне Иоанновне, на выговцев посыпался целый ряд правительственных кар и они согласились молиться за царя, а потом признали брак. Трудно сказать, что было сложнее для выговцев: победить суровую природу края или уметь избежать постоянно висевшего над ними меча в лице церкви и правительства. Вначале правительство имело все основания преследовать раскольников: они не молились за царя, агитировали народ за свою веру, укрывали беглецов, не признавали царских законов и церковных реформ, крестили детей сами, не признавали брака. Такая значительная группа людей, хотя и в дебрях лесов и болот, давала повод для беспокойства.

Гонения на раскольников усилились, а в начале XIX века приняли повсеместный характер. Сначала у пустынножителей отобрали лучшие земли, затем из Новгородской и Псковской губерний переселили на Выг православных крестьян в надежде, что они будут бороться с раскольниками. Но этого не случилось.

Монастырь раскольников был разрушен самым варварским способом. Домоклов меч на него опустился тогда, когда раскольники были только полезны. 7 мая 1857 года вечером выговцы собрались на всенощную ко дню Иоанна Богослова. В это время чиновник царя Николая I Смирнов со становым приставом, волостным головой и понятыми явился в часовню, объявил, чтобы прекратили службу и вышли все. Потом он запечатал часовню и приставил к ней караул. Раскольников хватили солдаты, секли, обливали холодной водой, снова били, опять секли. Иконы топтали ногами, рубили топорами, содрав предварительно драгоценные камни и богатые ризы. Горы икон, складней, крестов, книг были сломаны, растащены, сожжены на глазах верующих. Опомнившись после экзекуции, некоторые монахи собрали наиболее ценные вещи, бумаги, книги и спрятали в надежное место.

Просуществовала Выгореция более полутора лет. Хотя Выговская пустынь была уничтожена, раскольников не удалось ликвидировать. В глухих, нетронутых лесах Олонецкой, Архангельской и других губерний Севера еще долго жили поодиночке или небольшими группами раскольники.

В Беломорье в 20–30-х годах нашего XX столетия было еще немало инаковерующих, в том числе и раскольников. Помню, будучи подростком, я с братом Михаилом ездил в соседнюю деревню Нюхчу. Остановились мы на «постой» в доме, где всегда останавливался наш отец. Я зашел в избу погреться, а брат остался на улице распрягать коня, снимать с него сбрую, убирать во двор сани. В это время к нему подошли несколько человек нюхотских парней, разговорились и закурили.

– Табашники! Только приехали и давай небо коптить! – заругалась старенькая бабушка, сидевшая у окна на кухне.

Кроме этой бабушки в избе никого не было. Мне захотелось пить, я вскочил с лавки, подошел к ушату, чтобы напиться, но ковша не было. Увидел на печи маленькую чашечку, схватил ее, зачерпнул из ушата воду и стал пить.

– Не бери! – закричала старушка.

Но было уже поздно. Я с наслаждением пил речную нюхотскую воду. Подошла ко мне эта старенькая бабушка и сказала:

– Антихрист!

Взяла меня за ухо и потянула так сильно, что мне показалось, будто она оторвала его.

После этого она долго молилась двуперстием и шептала что-то непонятное мне. Услышав крик, вошла молодая женщина с подвойником и, тоже недовольная, сказала мне:

– Нельзя эту чашку брать, бабушка староверка и пьет из нее только она!

– Я не знал, – начал оправдываться я.

– Ковш в ушате висит, надо им пить, – поясняла молодуха.

Услышав наш разговор, старушка еще громче стала ворчать:

– Скоро конец света придет, мертвые встанут, антихрист всех одолел, сатанинской проволокой опутал землю, как паутиной!

Даже в деревнях Поморья, в мирской жизни, существовал раскол, последние его представители.